

Былинное фэнтези
Между Навью и Явью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Андрей ЕРМОЛАЕВ

18+

Лис. Град проклятых

Былинное фэнтези

Андрей Ермолаев

Лис. Град проклятых

«Автор»

2023

Ермолаев А.

Лис. Град проклятых / А. Ермолаев — «Автор»,
2023 — (Былинное фэнтези)

Тьма тянет свои жадные щупальца к душам жителей дряговичской земли, явив людям своего нового избранника – Зверя. Он непреклонен, жесток, расчетлив и чудовищно силен – и нет пока силы, способной противостоять ему и его новой религии. Боярин Лисослав Велимович (а для друзей просто Лис) и его товарищ, волколак Лесобор, после гибели Черномора, отправляются своей дорогой - помогать людям в их борьбе с порождениями Кромки. Там где есть свет, всегда в тених прячется тьма, и пути героев неизбежно пересекутся с путем Зверя. Богатырям Черномора предстоит встретиться и схватиться с самими страшными порождениями Кромки, ведь именно им пророчество Баяново предсказывало вступить в бой за людей и силы света на грешной, терзаемой голодом и раздорами Земле. Продолжение цикла "Между Навью и Явью". Оформление обложки - авторское.

© Ермолаев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1 глава. Клятая Встреча	7
2 глава. Клятый призрак	22
3 глава. Посадник Комышелог и жрец Велеса	30
4 глава. О том, как Комышелог докатился до такой клятой жизни	34
5 глава. О том, как одно клятое решение может стать бедой множеству людей	38
6 глава. Клятый спор, или удачная подготовка к труду ратному	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Ермолаев

Лис. Град проклятых

Невыразимый, липкий смрад, забивающий глотку до спазмов при вздохе, казалось, стал осязаемым. После скользкий от отвратительной слизи коридоров, стены которых шевелятся живым ковром опарышей, они, наконец, сумели прорваться в огромный зал, освещенный мертво-беловатым светом скальных кристаллов иного мира.

– Мать божья, дай нам силы! – смутно-знакомая фигура в длинной кольчуге и иноземном шеломе, размашисто перекрестилась.

Войдя в пещеру, он оскользнулся на чем-то мерзком и чуть не растянулся на омерзительных останках. Весь пол огромной пещеры был сплошь, словно ковром устлан гниющими мясными объедками и обрывками плоти с костями: повсюду лежали клочья шерсти и оторванные конечности. Совсем рядом скалился вечной улыбкой упрека, ему, защитнику и богатырю, человеческий череп. В центре адского логова возлежало оно: одним своим видом способное довести до безумия человека слабого духом, многопудовая гора мышц и грязной, гнилой плоти. Чудовищная, вздущаяся, гигантская скотина, покрытая редкими клочками серовато-розовой шерсти, почти пушка, цепляющаяся длинными, голыми крысиными хвостами, ровно щупальцами, за своды пещеры и ее стены. При появлении людей тварь подняла омерзительную, размером в пол боевого коня, крысиную голову под свод пещеры, уставившись на пришельцев мутными, выпуклыми бельмами глаз – каждое величиной с кулак взрослого мужчины.

– Святые угодники! – повторил воин рядом, а тварь оскалилась – мощные волны всеограшающей паники ударила в виски зубодробительным наплывом, почти сбивая с ног. Существо приоткрыло смрадную пасть, и люди услышали в головах вопли десятков людей разом, взывающих к бегству – проклятое исчадьё умело насылать морок!

– Спаси и укрепи силы наши, Господи, – шепчут губы, а трясущиеся руки уже шлют стрелу за стрелой в тушу – крылатую смерть в глотку, в голову, в брюхо, покрытое оспинами и сотнями сросшихся, трясущихся крысиных лапок – получи, мразь! Нечто подняло голову еще выше, разинув гигантскую, как пещера, пасть полную слюнявых клыков, и издало жуткий, богохульный вопль – он похож на жалобный стон блудницы и предсмертный крик одновременно, но в десятки раз мощнее: с переливом, переходящий в вой с клетотом. Казалось, сам Ад с чертями и грешниками сейчас вопил из глотки чудовища! Закрывать-закрывать уши быстрее, чтобы не слышать, чтобы прекратило! Пока не лопнула голова, пока не затмило глаза кровавой пеленой тумана.

– Бей суку, пока выводок не примчался!

Воин в длинной кольчуге бросается вперед, но один из хвостов, толщиной с бревно, хлестким ударом сбивает с ног – к вам устремляются одновременно десятки щупалец, похожих на косматые, слизистые крысиные хвосты.

– Господь – сила моя, да укрепит руку мою... – верный меч и сабля ссекают одно щупальце за другим, но как не ловчишь, как не стараешься – их слишком много. Они обвивают ноги и туловище, скрежещут по-кольчуге, в попытке добраться до живого. Стальная хватка сжимает грудь затхлой мертвечиной, поднимает ввысь, под свод пещеры – меч все еще рубит и рубит, тварь ломтями теряет свою плоть, но вместо срубленных к добыче устремляются новые отростки. Они тянут к разверзшейся как пропасть в Преисподнюю пасть, в мутных бельмах глаз явственно читается торжество: там, в пасти, глубже, видны подрагивающие внутренности и шевелящиеся живые мертвецы, тянущие вверх руки. «Спаси, Божечка... Только не так!» – мелькает мысль, и ты падаешь прямо в зловонные врата Кромки.

– Лиса, нет! – холодный пот покрывает все тело – этот дрянной сон преследует. – Зачем? Зачем ты это показываешь мне вновь и вновь?

– Так надо, – звучит в голове.

– Кому надо? Зачем надо?

– Тебе. Думай. Знай.

Вновь он один – Лисы рядом нет. К этому долго привыкать. Если вообще возможно привыкнуть. Лисы нет, и больше, как прежде, не будет.

1 глава. Клятая Встреча

«Мы навлекаем на себя ненависть, делая как добро, так и зло».

Никколо Макиавелли.

Дряговичская земля никогда не славилась урожаями, дичиной или серебром. Тысячи комаров, гнуса и оводов, заклятые, глухие места куда ворон костей не таскал – вот все богатство местной земли, сказал бы человек сторонний. И был бы прав лишь отчасти. Не было здесь и многолюдно, но местные болота давали руду, а она – кровь в жилах любой рати, любого войска! А потому землю эту всегда старались прибрать к рукам – готы, гунны, авары, а за ними варяжские и местные, славянские князья. Болота хранят память о тысячах чужих ратников – порубанные, пострелянные ядовитыми стрелами, они спят вечным сном в их топях. Порой и сами болота выплескивали хищное щупальце из своих недр в чужие земли: быстрые, жилистые местные воины в своем легком вооружении, легкой, напористой, особой походкой, присущей только жителям этих земель, ходили далеко окрест, брали на копье чужие городки и села. И тогда тянулись вереницы понурых пленных в недра дряговичской земли. Для многих из них судьба была горче смерти: темные, суровые боги местных земель – всегда были голодны до человечины. Топи дрягвы и до прорыва Кромки были местами мрачными, с чертовщиной и нежитью. Казалось, так будет всегда, но Великий князь Владимир сумел железной рукой покорить местные земли. Сумел даже больше – принес в местные городки и веси христианство, порядок и закон. Впрочем, только в города: вне их местные, кто тайком, а кто и открыто – продолжали поклоняться своим темным богам. Теперь же, с нашествием нежити – все стало куда гаже и страшнее.

Могучий рыжий жеребец, под стать наезднику шумно фыркнул, запрядав ушами – потревоженные оводы-кровососы недовольно загудели, взметнувшись звенящим облаком. Всадник, плечистый рыжеволосый усач, лениво махнул сорванной на ходу ветвью, отправляя кровососущую нежить в последний путь. Иногда всадник умиротворенный привычным покачиванием в седле приподнимался в стременах – чтобы оглядеться и не задремать. Деревья в лесу становились все ниже и реже: их место занимали приземистые, мохнатые кусты с разлапистыми кронами, а трава все чаще пятналась бесчисленными, покачивающимися от ветра ржавыми бутонами гравилата и ярко-желтыми цветами зверобоя. По одному лишь этому, не будь дороги, путник мог бы понять, что идет верным путем – вся эта поросль обожала болотистую, водянистую почву, а значит вскоре пойдут уже и земли туровского княжества. Где-то совсем неподалеку запричитала перепелка, но себя не показала, и всадник разочаровано опустил руку, потянувшуюся было к луку – вот уже вторую неделю приходилось грызть только сухари да каменно-сушенную оленину. Эх, как же славно было б поохотиться и добыть кус свежего мяса!

Рядом с всадником флегматично плелись еще две лошади, нагруженные его вещами: шлемом с кольчужной сеткой, защищающей затылок и шею, массивной рогатиной с широким наколочником, небольшой секирой, несколькими связками метательных копий и запасных стрел. Свою бронь, длинную, до колен, кольчугу и островерхий шлем с лисьим хвостом, всадник так же сгрузил на заводного. Щурясь от солнца, он подставлял покрытую лишь рубахой широкую грудь свежему ветерку. В землях подвластных киевскому князю было вполне безопасно даже ночью: по дорогам, то и дело, проезжали путники, да конные дозоры окольчуженных молодеватых бородачей, которые, видя серебряный диск богатырского оберега, почтительно кивали путнику. От них же, да от прохожего люда, узнавали вести с окрестных земель: там вон, недалеко, в сельце Икотка, повадился озоровать упыренишь – людей побаивается, на глаза старается не попадаться, но кур, сученок, душит регулярно и кровь их пьет. Издалече передавались иные слухи – одни страшнее других: спустилось с гор, аль еще с каких мест, неведомое племя песьеглапцев на погибель всему роду людскому. Видели таких их недалече – в ближних землях

уже. На договоры не идут, требуют от местных принятия веры и власти их звериной – чтобы отринули православие и крест, потому как все не их веры – враги песьеглавцам. Шли разговоры и о другой напасти: в соседской Кривой пятке, мужик с русалкой блудить удумал. Или с козой – дело темное, толки ходят разные. Ясно было про него только одно – с бесом мужик связался, всем нам на погибель, а, следовательно, туда незамедлительно нужен богатырь Черномора. На такие вести, когда они звучали в раз пятый или шестой, причем в разных деревнях и с разными людьми, Лис глубокомысленно хмыкал и обещал оказать самое активное участие в низложении зла и защите христианства.

Ныне же они, вот уже несколько дней, вступили в земли туровские: бородачей-дозорных больше на дороге не попадалось, да и путников на дороге резко поубавилось, но всадник и здесь был невозмутим – к бою он был готов всегда, а об опасности его предупредят заранее. Дорога петляла среди леса и холмов белой лентой, а издали доносился еле различимый звон колоколен – стало быть, Камышелог, старинный град вдоль пути к Турову, совсем близко. Мужчина покосился на молчаливого попутчика, мелкого, с виду юркого, чернявого мужичка идущего пешком рядом, вздохнул, покачав головой.

– Ну, вопрошай уже. Чего тянешь – вижу ж гнет тебя.

Мужичишко какое-то время шел молча, продолжая супиться, но все же, жизнелюбивая, легкая натура взяла свое:

– Бес – один ты – человек в нашем обчестве. Да и то – конь, – обратился волколак к животному вместо его наездника. Редкий случай – лошади обычно боялись Лесобора, но конь боярина, настоящий, боевой, относился к нему ровно и с терпением. – Пусть конь, но куда лучше и приятнее с тобой поболтать, чем с твоим упертым и грубым хозяином.

– Ну-ну, – Лисослав встопорщил усы. – Бес и впрямь ладный друг по разговорам. Однако ж и меня избегать долго – не выйдет.

– Отчего Волшана не позвал с собой? – отозвался Лесобор, после короткого раздумья, подозрительно покосившись на витязя. – Он тоже перевертыш. Да и покрепче меня будет. Молодой, сильный.

– Так и есть – покрепче.

– И в кругу богатырей был с тобой заедино.

– Все так.

– Так от чего меня с собой, а не его?

– А отчего тебя в кругу не было? – грозно улыбнувшись, уточнил витязь.

– Опять начинаешь?! Хочешь снова разругаться? – взбеленился волколак.

– Так я и не ругался. Это ты бесишься как оводом укушенный.

– Лис, матушку твою за ногу – я думал, что опосля церкви, где я спас твою боярскую голову – мы можем доверять друг другу, а ты?!

– А я думал, что повидаюсь с Черномором, быстренько побьем всю обнаглевшую Кромку, а главному Кромешнику под хвост раскаленный кол вобьем – и по домам. Но ведь так не случилось, верно?

– Лис! – рыкнул Лесобор и на мгновение у него прорезались не по-людски длинные клыки.

– Ты на меня не скалься, – погрозил ему пальцем десятник. – А то я мастак головы рубать, когда шибко переживать начинаю. Куда как пострашнее видывал, да жив вон еще. Недоверие к тебе, оттого что темнишь ты и недоговариваешь. В страшный момент, когда ты нужен был – тебя в круге не случилось. И когда израдец*¹ мертвил Черномора, а из Навьи нам сам Ад улыбался и лапами махал – тебя тоже не было!

¹ Израдец – предатель по-старославянски.

От одного воспоминания перекошенных ревом рож демонов, громадного как гора корабля, из которого во-все стороны шевелились слизистые щупальца Тьмы, а борта топорщились человеческими ногтями, его передернуло. Клятый католик убил единственного, кого можно было расспросить обо всем! Убил и сбежал от его меча за Кромку. Спроста ли? Или то знак какой – ему было не разглядеть, но чуйка подсказывала – тут-то сказки не конец. Да и не когда было разглядывать: через борт ревушего как целое стадо зверей-элефантусов, корабля, вниз, к ним, избранным богатырям, посыпались его отвратительные обитатели, и там уже совсем стало не до предателя.

– Мы такое там зрели – ни в одном писании о таком не говорилось! Где был?

– Не могу я сказать, – волколак поджал обиженно губы. – Вот никак не могу. Но плохого – никому не творил. Могу, чем хошь поклясться! Поверь – никакого зла и в голове не было!

– Ишь ты – поверь ему, – усмехнулся боярин. – Ладно-ладно – будя. Верю.

– Чего это вдруг?

– А того – старый витязь невозмутимо отмахнул веткой особо нахального слепня, пытавшегося залезть в глаз уже ему, а не коню. – Я на рати с измолоду: как батя в двенадцать лет в первый поход взял – так из клятых войн не вылезая! А мне сейчас сорок три года, стал быть, более трех десятков лет ратюсь. Ужель думаешь, что я б дожил до своих лет, коли лжу от правды б не отличал?

– Тогда зачем мне кровь портил? – вновь вскинулся мужичок.

– Ты не шуми, не шуми, – прирыкнул на него боярин. – То в назидание. Шляисся где ни попадя, когда весь Свет людской в опасности был. Кто знает – не совладали б – и тебя б, дурака, тоже б не стало со всеми твоими надобностями. Все, кто в кругу был – теперь братья и сестры, а ты – отсутствовал, хоть и с оберегом, избранник, мать твою растак!

Мужичок кивнул, виновато потупясь, и боярин продолжил назидательно:

– Все братья и сестры, и у всех – свое дело теперь: малое ли, великое ли, но каждый свое сдюжить должен. Мы – теперь семья богатырей.

– И ляхит-израдец – тоже семья? – не смог не съехидничать все еще обиженный Лесобор.

Боярин посмурнел, будто надкусил что-то кислое.

– Клятое дело. И он, как же без него. Семью – не выбирают. Коли выбрал амулет его – значит, зачем-то, нужен был. А то, что решил такое содеять – кто сказывал, что в семье убогих не бывает? И-эх, чтоб на это сказал б Святослав? Позор, да и только.

– Так отчего ж Волшана не позвал с собой? Или Андрея – он же гридь? Как раз тебе в подмогу – общий язык нашли б.

– У Волшана и Андрея – свое дело назначено, у меня свое. А ты, не успевший – мне в поруки в самый раз будешь.

– Та накой я тебе?

Старый витязь покосился на волколака.

– Я – боярин из простых – из невеликой семьи, без дара какого смертоносного. Только и умею, что мечом вертеть, да уматерить по макушку при необходимости. Вдвоем и впрямь сподручнее будет в это клятое время.

– Так ты ж нежить мертвил толпами?! Я сам зрел?

– Мертвил, – кивнул боярин. – Много для того ума надо? Да и то от берега силы нахлынули, да от Лисы – вот та была сильной ведьмой. Нежить же была сплошь – мелки бесы да черти. Я – ратный муж. Мой путь – путь меча, и в этой схватке с Тьмой, такому как я – будет сложно. Но и я желаю быть полезным новой семье.

– И что ты надумал?

– Нет, ты посмотри на него! – вместо ответа встрепенулся в седле полусонный витязь.

– На кого? – не понял Лесобор, торопливо обшаривая взглядом пространство округ. Какой-то Евин сын*² узрел то, что он, волколак не заметил? Быть такого не может!

– Да вон! – кивнул на старое дерево, нависающее опустившее разлапистую мохнатую ветвь над дорогой. Волколак взгляделся до рези в глазах, но ничего не заметил.

– Там ни хрена! – заключил он, сердито поглядывая на собеседника. – Ежель не хочешь отвечать – так бы и сказывал, а не придумывал. Ужель такое вместе такому боярину?

– Нам и не такое «вместно» при необходимости! – Лис озорно подмигнув, потянул из налуча лук – стрела свистнула, скрывшись в зеленой кроне. Мгновение ничего не происходило, но потом, с протяжным «у-у-х-х-х!» на дорогу свалилось «нечто». По началу Лесобор решил что богатырь стрелой сшиб заскрипевшую ветку, но когда она вдруг вскочила на три тонкие, ветвистые лозы, выдернула из себя стрелу и с громким, недовольным кудахтаньем, шурша листвой и перебирая тонкими словно паучьими лапами, стремительно юркнуло в лес – лицо оборотня вытянулось едва не вдвое.

– Какого хрена? – проводив взглядом удаляющееся нечто, спросил волколак витязя, невозмутимо убирающего лук на место. – Что это?

– Лешаченок, – ответил десятник. – аль не видел таких?

– Подобных? Ни разу – я ж не с этих земель.

– И что – у вас там лешаки не водятся разные? – подивился Лис.

– Водятся, – заверил оборотень. – Токмо у нас они – больше на шишку похожи кедровую. Аль на ящера злого.

– Дела, – подивился в ответ десятник. – А у нас, вишь – такие вот хитроваты имеются. Так – мелкие пакостники: наловчились у людей и скотины кровь незаметно пить. Сядет такой, на какое дерево, и ждет – кто под деревом пройдет аль встанет под него, буде дождь приключится – он веткой по уху, аль по шее щекочет. Человек отмахивается, аль ветку на сторону отодвигает, и не понимает, что лешаченок – кровь с него пьет. Придет такой человек домой – и только там заметит маленькие красненькие пятнышки. Слово иголочками кто колот – там лесной негодник его и жевал, кровь добывая.

– Хитрый бес, – признал оборотень.

– Не бес, – покачал головой витязь. – Бесенок – почти безобидный для людства. Такие только особо большие могу серьезно вредить – да и то – совсем надо олухом быть, чтоб позволить такому себя досуха выпить. Но этот не такой – молодой, аль баба ихняя.

Волколак недоверчиво хмыкнул.

– С чего бы? Ты еще и их различать можешь?

– А как же? Этот своими листьями да ветками – против ветра тряс – вот я его и углядел. Старый древень-лешак, аль матерая лешачиха – такой дурости б не учудили.

Какое-то время ехали молча, в размышлениях. Лис продолжил старый разговор, ровно и не прерывались:

– Надумал, что надо объединять силы с Киевом и Мстиславом. В одиночку супротив того, что может нагрянуть – не устоять. Русь должна быть заедино как при Святославе и Владимире.

– Эвона как? – протянул собеседник. – Опосля всего что было? Опосля кровищи, что рекой текла в бранях междоусобных? Да и Туров, со всеми его землями – на кой ляд он Киеву и боярству? Какая помощь от него, ежель только в дружине одного Киева народу будет раз в десять поболее, чем ратных во всех туровских землях? Какой прок Мстиславу нам помогать? Ты хоть сам-то во все это веришь?

Боярин насупил кустистые брови.

– А куда деваться? Надо делать, Лесобор. Мои мальчишки кровь проливали свою за земли эти – ужель я спужаюсь сложностей?

² Сын Адама, сын Евы – т.е. человек.

Коротко помолчал, насупившись.

– А на счет Турова и окрестных земель – не прав ты – польза от них самая прямая.

– Эт какая еще? Говорю ж – людишек на ратях минувших повыбило, – тряхнул кудлатой головой волколак, к чему-то прислушиваясь. Продолжил: – Токмо и есть что у нас – болото. И вся бяда с ним.

– Тьфу, непутевый, – хохотнул Лис. – От потому-то таких к власти и судам – нельзя пущать, что не видите всей картины. Как раз в болотах польза и есть. У гридей да отроков что в походах позвякивает?

– Так ить ясно чего? Бубенцы! От неимения баб под рукой, – предположил Лесобор.

– Я тебя с Ратгоем познакомлю, – посулил витязь. – Чую споетесь. Нет, дурья башка – брони на гриднях и отроках позвякивают. Да хоть на мою погляди – откуда руда?

– С болот?

– Верно – с болот наших. Нет у нас рудных жил, что с гор ползут, как у германского императора и прочих. Только крица болотная. Потому и Киеву союз выгоден. Вместе Тьму отбивать сподручнее.

– Вон для чего стараешься, – понимающе кивнул волколак.

– Стараться буду. А уж как выйдет – то поглядим. Не зря ж Лиса меня воскрешала, жизнь свою заложив. Авось сгожусь на что.

Волколак хотел сказать что-то еще, но вдруг насторожился, ровно пес охотничий увидевший белку.

– Что-то услышал? – Лис приостановил коня, глядя как Лесобор поворачивает голову то одним, то другим ухом. Слух у перевертыша, и уж тем более зрение и нюх, были многократно лучше даже в человеческом облиции, чем у самого витязя.

– Вроде дерутся. Впереди, по-тракту.

– Далече?

– Еще далече.

– Ну и пусть с ним, – отмахнулся Лис, хотя рука зазудела, соскучившись по привычному теплу рукояти меча. – Молодым был – на такое бежал как ошпаренный, переживал, когда седмица-другая – и без доброй драки. А сейчас – на кой ляд? Нежить днем – не нападает, а Камышелог рядом совсем. Сторожа примчит – разберется без нас. Не с руки в чужую драку лезть, особенно не зная, кто прав, кто виноват.

Волколак кивнул, и они продолжили путь.

– Значит Туров – только начало?

– Важнецкое начало! Да и – с чего-то ж нужно начинать?

Помолчали в своих раздумьях. Волколак повел носом, принюхиваясь.

– Однако кровью пахнет. Кровь пролилась, и драка там – нешуточная.

– Ну – в таком случае стоит вздеть бронь, – вздохнул витязь и взялся за плотную шерстяную рубаху с коротким рукавом, которую поддевалась под кольчугу. Привычных отроков и гридней не было, и повозиться пришлось несколько больше, чем обычно. К тому же боярин надеялся что, все же, вмешиваться не придется.

– Еще дерутся? – уточнил он, облачившись, и помогая ворчащему Лесобору влезть в кольчугу Лисы.

– На кой ляд мне бронь? – зло возмутился оборотень вместо ответа. Лиса плечами и руками не уступала боярину, крепкому мужу, и потому тощий, щуплый на вид Лесобор смотрелся в ней как жердь в накинутах шароварах. Потеснившись, в бронь можно было б всунуть и второго такого же. – Я ж волколак? Как я буду в ней оборачиваться в случае нужды?

– А ты – не будешь, прости Господи, – предостерег боярин. – Неча людей пугать понапрасну – и так все пуганые дальше некуда. Хорошая бронь – никогда в схватке лишней не будет – от стрелы шальной, аль от рогатины спасти может. Дерутся, говорю?

– Да, – кивнул оборотень. – Еще как. Конные. И Пешие.

– Там никак целое сражение, а Комышелог спит отчего-то, – покусал ус, раздумывая вслух Лис. – Иэх – где наша не пропадала – айда, глянем чего там? Все одно по пути. Смотри не отставай!

Боярин пришпорил коня и, звеня доспехами, поскакал крупным наметом.

– Сначала нагрузил броню, а теперь – не отставай! – проворчал Лесобор, однако пропустил следом.

За яром, на поляне вдоль дороги, кипела сеча. Две приземистые лошадки, что волокли по телеге каждая, были в мыле и, казались на последнем издыхании. Вокруг развернулся конный бой: десять человек одетых в звериные шкуры, разномастно вооруженных всевозможным оружием смертоубийства, как стая злобных псов, кружили и кидались поочередно с разных сторон, на шестерых воинов в бронях, с щитами и копьями. Кто были и те, и другие, было решительно непонятно, так как одни более всего походили на разбойников, а другие – не походили на привычных дружинников из-за не местных круглых и конических шлемов. Самым главным, без сомнения, у последних, был высокий рыцарь в коническом шлеме с длинной пластиной наносника доходившего до обрамленного короткой бородой подбородка. Он, прикрываясь большим, вытянутым книзу щитом, отмахивался длинным мечом от обступивших его разбойников, а другие – прикрывали его копьями. Отбивались они, надо отдать должное, слаженно и успешно – четверо в шкурах уже валялись под копытами убитые или издыхающие, но и один из чужеземцев так же лежал сраженный вражеским копьем. Еще один чужеземец, спешенный, зажимал рану меж ребер, опираясь спиной на телегу.

– Однако, – поморщился Лисослав. Он был в полутора сотнях шагов от побоища и пока его никто не видел. Вмешиваться было рискованно, да и непонятно было кто кого грабит, а Лис был не из тех, кто верит в то, что могучие герои не гибнут по-дурацки в мелкой стычке. Кроме того после случившегося с Черномором, Лис весьма подозрительно относился ко всякого рода чужакам, оказавшимся в местных краях. Особенно – к чужакам-ратникам. Боярин уже хотел было пустить коня в объезд по лесу, ну ее к бесу ту схватку, когда заметил в телегах шевеление. Дальnozорко приглядевшись, он углядел прячущихся людей: чернявые, перепуганные, несколько баб, мужиков и ребятишек, они прятались за мешками. Мужики боязливо сжимали бесполезные против конных топоры, и в схватку не лезли, прикрывая собой семьи. Выходило так, что чужаки оберегают телеги с людьми, а вовсе не добычу – оттого и сгрудились на месте, прикрывая собой и не пытаясь атаковать.

Больше не раздумывая, Лис потянул из налуча тугой степной лук. Со вздохом потянул – это то небольшое, что у него осталось от верного побратима, пускай и бабы. Уж она б разбойников с такого расстояния быстро б пощелкала! Консулу больше нет, как нет множества близких и друзей сгинувших за десятилетия сражений и войн. Впрочем, предаваться думам времени не было – пусть нет могучей воительницы, но есть ее лук, а стрелять из лука за те же десятилетия, боярин наловчился немногим хуже погибшей степнячки. Дон! Дон! Дон – зашлась тугая тетива и легкими росчерками молний крылатые вестники смерти полетели в спины ничего не подозревающим разбойникам. Как раз вовремя – поняв, что без большой крови врага не взять, дикое воинство, подозрительно слаженно отступило, берясь за сулицы – страшное оружие вблизи, пробивающее даже лучшие кольчуги.

Боярин выпустил разом с полдюжины стрел, промахнувшись лишь раз – под вопли раненых и убиваемых, первыми сориентировались чужеземцы: поняв, что стрелы выбивают не их, а разбойников, рыцарь, первым подавая пример, ринулся в бой. Прочие всадники последовали за ним, безжалостно рубя длинными мечами оробевших врагов. Пара минут – и только лошади с пустыми седлами разбегались в разные стороны.

Лисослав, не убирая лук с наложенной стрелой немного приблизился.

– Кто такие? – грозно спросил он. – Почто здесь?

То, что чужаки вступились за местных, целиком всего не меняло – Зло коварно и много-лико, уж это-то он знал не понаслышке. От многоопытного взгляда не ушли ни добрые мечи и копья чужаков и, особенно – добротная, явно не местного пошиба, бронь самого рыцаря: кольчуга была собрана из колец одной величины, но на плечах и груди, куда приходит большинство ударов, они были более толстого металла и плотнее набранными. «Такая бронь в пору князю какому – не простой чужин, ох и не простой!» Один из пришлых встряхнул окровавленным мечом, вопросительно посмотрев на предводителя.

– А ну – грабки с мечей убрать! – рыкнул боярин сурово, демонстративно натянув тетиву и поцелив в мечника. – А то я горазд стрелять во все непонятное. И парни мои – так же. За вами за всеми следит десяток луков. Отвечайте – кто вы и что делаете в землях туровского княжества?

– Сердечно благодарю за своевременную помощь, благородный гер, – чужой рыцарь знаком показал своему убрать меч и, сняв шлем со вспотевшей головы, вполне искренне приложил руку к сердцу, чисто и открыто улыбнулся. – Я гер Рудольф фон Оуштоф.

В груди боярина сердце дрогнуло, сбившись с ритма – лицо чужака было знакомо. Он видел его неоднократно, прежде всего – благодаря Лисе и ее клятым снам, но и без того, старый воин был уверен, что где-то видел этого высокого, крепкого мужа. «Имя. Клятое имя я уже слышал и не раз». Говорил рыцарь, почти не коверкая русской речи, что давало представление о большом опыте пользования ею, хотя в иных словах «плакотарю» и «плакоротный» слышался привычный лающий язык, выдающий носителя.

– Немчин?

– Так, – кивнул продолжающий улыбаться рыцарь. – Я родом из земель Священной Римской Империи, но уже давно живу здесь.

– Погоди-погоди – Рудольф? Рудольф фон Оуштоф? – уточнил Лис, внимательно вглядываясь в лицо чужеземца и, наконец, припоминая, откуда ему знакомо это имя. «Клятая судьба, должно быть, любит шутки шутить!»

– Мы где-то встречались?

– Разве что в битве на Буге.

Теперь уже рыцарь вглядывался в лицо боярина – Лис выдержал довольно долгий момент узнавания и изумления.

– Боярин Лисослав Велимович?

– Он самый, – кивнул боярин. – Рад, что мы друг друга узнали.

– Я ваш должник, добрый гер. Клянусь честью – вот уж выпало место встретиться.

– И я о том же, – Лис задумчиво огладил лук.

Гер в говоре рыцаря очень уж напоминало «хер» и от этого коробило, но боярин не позволил себе посмурнеть – как-никак, когда-то сражались на одной стороне, под знаменами еще Великого князя Святополка.

– И какая надобность привела благородного саксонского рыцаря и не менее благородных его воинов в наши скромные земли? – прищурился боярин, глядя как один из «благородных», самый молодой, деловито перерезал глотку израненному, но все еще живому разбойнику. Все шестеро выглядели бывальыми, воинами. Самый старший из них, полностью седой муж в короткой кольчуге, с длинной окладистой бородой, что-то быстро сказал на чужом лающем языке рыцарю. Лис нахмурился еще больше, так как стрельнул глазами старик явно в него. До драки, вроде дело не должно дойти, но ежели дойдет – придется туго: вся надежда – на лук, да на оборотня, опять некстати куда-то запропадившегося.

– Прошу меня простить, добрый сэр, но вынужден предложить перенести наш разговор до более подходящего часа. Мерзкие разбойники, которых мы совместно отправили в ад, где им, безусловно, самое место – были далеко не всеми. По их следу идут еще порядка двух десят-

ков негодяев. Эти – оказались самыми быстрыми. Мы с ними долго сражались, и остальные вот-вот будут здесь. Хорошо бы уже, что ваши воины тоже вмешались...

– Их полторы дюжины. Может чуть более, – волколак появился позади рыцаря и его свиты – как всегда бесшумно. «Бронь снял, мерзавец!» Сэра Рудольфа его появление отнюдь не обрадовало, но удивило, судя по перекосившемуся лицу. Впрочем, он тут же взял себя в руки. – Пятеро конных и чертова дюжина пеших. Трое из конных – похожи на гридней: в бронях, добро оружные, хоть и в дурацких шкурах.

– Где? – уточнил боярин.

– Через четверть часа – тут будут, – верно понял волколак, ответив на подозрительные со стороны немцев взгляды гордо поднятым подбородком и не менее подозрительным взглядом. – Что делать будем, боярин?

Лис скривился, осмотрев телеги и взмыленных, полуживых упряжных лошадей – эти никуда уже сегодня не поедут. Люди в телегах не смогут удрать, а вести бой в таких условиях, да еще плечом к плечу с теми, кому ты не совсем доверяешь – занятие неблагодарное. Впрочем, выбирать не приходилось: он был на своей земле, а эти люди – те, кто ему, боярину-витязю, платили за защиту. Бросить своих в беде – это как предать самого себя. Да и, в конце концов – должны ж услышать ратные звуки в Комышелоге?! Не может стража не заинтересоваться побоищем у себя под носом.

– Я бы предложил ударить сходу по ним – вдоль по тракту, – вежливо напомнил о себе задумавшемуся боярину Рудольф, подъезжая ближе, чтоб не орать. – Если к нам присоединятся ваши воины, Лисослав Велимович – то у нас будет уже сокрушительное преимущество! Ударим в копыта – и они разбегутся как крысы под нашим натиском!

– Тут дело такое, дорогой друг, – боярин кашлянул в рыжие усы. – Мой десяток рад бы к нам присоединиться, вот только он в Турове остался.

– Но как же...

– То была воинская смекалка и хитрость – и только, – отрезал дальнейшие расспросы боярин.

Рыцарь какое-то время смотрел в глаза старому воину, размышляя над сказанным, затем кивнул.

– Тем не менее – удар всеми силами на встречу, как я и говорил, позволит нам...

– Нет времени на препирательства, добрый друг. Я бы не был настолько уверен в таком ударе – стопчем пеших, но и сами завязнем. А конные, будь они не ладны – ударят по нам. По нам, завязшим. Если там гридь, пусть даже несколько – так они и сделают, или я ничего не смыслю в ратном деле. Ударят – тогда конец и нам, и им, – старый воин указал на женщин и детей в телегах.

– Что предлагает достопочтимый гер?

– Пойдите лесом в обход. Пусть разбойнички выйдут ко мне и телегам. Сами – ударите сзади по-ним. Стопчете конных, а после – ударим на пехоту сообща – вот тогда они побегут как тараканы.

– Добрый план, – кивнул рыцарь, после короткого раздумья и поделился планами с оставшимися всадниками.

– Не гневись, боярин, а мне-то где быть тогда? – Лесобор с сомнением посмотрел на одну из оседланных лошадей разбойников – четвероногие твари не любили волколаков – и это было взаимно. Оборотень знал, что стоит только ему попытаться оседлать хоть одну из них – та сразу же покажет зубы, чуя волка. И потому представить себя молодецки мчащим на ворога в конном строю с ратными он мог, разве что, в пьяном угаре! Лис был того же мнения.

– Останешься при мне, здесь, – он указал на людей в телеге. – Поможешь мужикам не пужаться раньше срока. Бронь куда дел, паршивец?

– Да туточки она, – волколак покраснел. – Никуда не денется – под кустом лежит себе...

– Она целое стадо коров стоит, дурья башка, я тебе для чего ее дал? – застрожил Лисослав.

– Так я это, того-этого, – стушевался еще больше оборотень.

– Бронь вздешь – без разговоров, – распорядился боярин. – Мож за воя издали сойдешь – будут осторожничать и не станут сразу нападать! На вот.

С этими словами Лисослав протянул ему свою тяжелую рогатину.

– А ты как же, боярин? – забеспокоился волколак. – чем бить будешь?

– А хером, – белозубо ослабил старьёй воин. – Ка-ак разгонюсь, да как шарахну!

У всадников, понимающих славянскую речь, прорезались скупые ухмылки. «Ну вот – теперь понятно, что по-крайней мере, четверо по-нашенски – говорят». Старик из чужаков вдруг тоже слез с коня.

– Я тоже останусь, – пояснил он. – Притомился, да и староват я для конных скачек. За Арнольтом проследить нужно, чтоб не добились – вон, как его скрючило. Да и тут, посидеть, подождать мне, старику – самый раз будет, коли боярин не прогонит.

– Не прогоню, – заверил Лис.

Рыцарь протянул старику франкский самострел.

– Береги свою седую голову, Удо. Мне бы не хотелось потерять и тебя.

Старик подмигнул рыцарю, и устало присел на край телеги. Рудольф повернулся к боярину:

– Удачи, добрый сэръ. Постарайтесь продержаться до нашего удара.

– Не задерживайтесь с ним, – в ответ на учтивый кивок, боярин так же кивнул – как равный равному.

Конный отряд скрылся в дебрях леса.

– Эх, не пропало б бабино трепало, – покачал им вслед головой оборотень. – Пусть все получится.

Лис, спешившись, сапогом перевернул один из трупов разбойников – молодой, светлородый мужик в кожаной броне своим видом и оружием больше всего походил на когда-то виданных в междоусобных ратях чудских конников Ярослава. С лицом было что-то странное: челюсти слегка выпирали и, кажись, торчали клыки сверху, но да кто их, к клятой матери разберет здешних дикарей, что прячутся по топям? С кем дружат, с кем спят чтоб получались такие? Впрочем, возможно эти – из недобитков Ярослава, оставшихся в этих землях? Уж больно лихо ратились разбойнички для простых, одичавших мужиков от сохи!

– Гуляй! – сказал он коню, забрав топорик, щит и саблю. – Телеги – поперек дороги!

Общими усилиями они сумели заставить утомленных крестьянских лошадок сделать задуманное, а после – боярин их отпустил: в бою, который вот-вот грянет, перепуганная от ран, бьющая копытами во все стороны скотинка была не менее опасна, чем сами разбойники. – После боя споймаем, – ответил на немой вопрос хозяев боярин, – Ежель будет, кому ловить.

Взобрался на телегу, наказав бабам и детям – спрятаться под них, а мужикам приготовиться и брать в топоры всех, кто будет пытаться туда прорваться. Сделав это, боярин поглядел туда, где уже пылили из-за поворота первые разбойнички. Их внешний вид мало чем отличался от конной братии, которую успели «посчитать» стрелами и мечами: разномастное дешевое оружие, коей на ком – старьёй ржавьёй доспех. Однако все как один – в звериных шкурах, поверх другой одежды. И толпа их, учитывая, что в двух телегах было всего шестеро, включая мужиков, собиравшихся им противостоять, была преогромной.

– Ты ж сказал полторы дюжины? – уточнил боярин глядя на волколака. – А тут добрых два больших десятка, не менее.

– Так и было, – виновато насупился оборотень. – Видать несколько – прятались в телеге, или пристали по-пути. Людей-то по дороге много бродит – кто поймет кто из них тать? -

Телега и впрямь была среди разномастного воинства – в ней-то и были двое «лишних», которые сразу не понравились Лису: оба невысокого роста, но рукастые-коренастые, чернородые с узкими, словно щурящимися от солнца глазами. Самым скверным было что у обоих в руках были луки, ничем не отличающиеся от того что был у самого боярина. «Степняки» – заключил он. «Клятые, дратые степняки!» От немедленной атаки всю эту толпу удерживал лишь вид лошадей с пустыми седлами вокруг телег, да валяющиеся там да сям трупы их более шустрых дружков.

– Ох, что-то боязно мне. Чую от них чем-то таким прет, чем не должно от обычных людей. Может, обернусь? – тихо, с надеждой в голосе уточнил волколак, склонившись к Лису. – Я так лучше чую, да и в драке крепче буду.

– Не смей! – тихо, но грозно предупредил боярин. – Еще не хватало с тобой бед. Их и так у нас сейчас – неводом таскай. Хватит скулить – будь готов.

– Да я и готов, – в голосе волколака не было уверенности, и Лис напомнил.

– Ты же сам жаждал доказать в бою свою верность делу? Ну вот – радуйся – пришло время.

– Так-то оно так. Только резни лицо в лицо, не оборачиваюсь, я жаждал где-то, так же сильно, как голодный – срать!

– А ну без разговорчиков этих мне. Соберись и будь готов, сказано!

– Да я и готов, – проворчал волколак, крепче сжимая рогатину. – Только чегот душу гложет – как будто мы не сделали чего-то.

– Ну?

– Ну, ты ж у нас ратный муж из видавших всякое? – возмутился Лесобор. – Разве мы не должны там – ям накопать, а в них всякие колья снизу натывать? И чтоб колья – дерьмом намазанные? Чтоб, даже если не насмерть или заразу – хоть чтоб обидно было?

– А что – мне по душе, – хмыкнув, поддержал боярин. – Лепо придумано! Может, прям сейчас этим и займешься? А мы пока – прикрывать стрелю тебя будем, чтоб тебе разбойнички зад не отсекали, пока ты в земле копаешься?

– Не смешно, боярин.

– А я и не шучу, – сурово сдвинул брови Лис. – Хватит дергаться – теперь уже что есть – то и есть. Соберись – нас ждет славное дельце.

Лесобор шумно выдохнул: – Уже жду с нетерпением!

Боярин вновь оглядел приближающихся. Те были на расстоянии трех сотен шагов.

– Бабоньки – закройте глазоньки детям – сейчас будет всякое нехорошее, – громко распорядился Лисослав засевающим под повозкой.

– Боярин-батюшка. Миленький – оборони. Век за твоё здравие молиться будем.

– Ладно-ладно, – как можно мягче ответил Лисослав. – Оборонимся, коль по-нашенски пойдет – вона, сколько у нас славных витязей в осаду село. Токмо не шибко шумите там – не привлекайте врага. Эх, мне б мой десяток – живо бы раскатали мерзавцев!

Оставшийся старый немец так же присел за край телеги рядом с лежащим раненым, берясь стрел. Седой, явно разменявший седьмой десяток уже давно, он вполне бодро взвел самострел, разложив перед собой следующие болты – чтобы сразу под рукой.

– Добрый гер-боярин, – обратился он. – Сдается мне нам, во что бы то ни стало, надо свалить тех двух, что на телеге. Они, сдается мне, самые опасные.

Боярин одобрительно кивнул.

– А ты понимаешь, немчин. Так и есть. То степняки. Они и вдвоем могут сорвать всю конную атаку твоего хозяина.

– Он мне не хозяин, добрый гер. Я динстман*³, по милости доблестного сэра Рудольфа возведенный в министриалы*⁴.

– Эвона как. Нихрена не понятно, но ясно, что ты – ратный. Добро, Удо, или как там тебя – бьем по-готовности, – кивнул боярин.

Как он и предполагал – конные разбойники держались позади, на особицу, горяча кроважными криками и призывами пешую толпу. Тоже хитро и понятно – и в рубку не лезут, посылая сделать черную работу пеших, и, если будет попытка бегства осажденных – легко устроят кровавую бойню отступающим.

Внезапно даже для самого боярина, уже изготовившегося стрелять, наперед всех выскакал один конный с понятой рукой.

– Хотят поговорить? – удивился Лисослав. Для разбойников это было, по меньшей мере, странным.

– К нам едет, – в волнении облизнув губы, выдал очевидное волколак, уставя копье в сторону приближающегося.

– Приходи, Марфуша с гусем – отдеру – потом закусим! – хмыкнул Лисослав, но стрелять не стал – из вежества.

– Кто такие? – проревел всадник. – Как смеете бить наших людей? Что делаете на землях принадлежащих Зверю?

– А мы тут хер валяем! А после – к стенке приставляем! – набрался храбрости волколак.

Лис же настолько окаменел от неожиданного, наглого паскудства, что даже не отдернул его за явную грубость.

– Чьей-чьей земле?

– Это земля Зверя. И его людей – то есть нас, – ослабил белозубо разбойник. Надо отметить – плечистый, молодцеватый, с аккуратно подстриженной бородой. Будь на нем вместо волчьих шкур кольчужка – и впрямь сошел бы за гридня. – Мы – его дружина.

– Ах, ты ж мать твою, – боярин мигом налился дурной кровью – вспомнились слова Ратмира. – Чтож там за Зверь такой суровый? Не слыхал. Может, поведает?

– Сдавайтесь по-добру – и вас ждет быстрая смерть! Зверь добр и милосерден, – не стал отвечать на вопрос разбойник.

Ясности ответ не дал, единственное, что было понятно, как и всегда у разбойников, видимо, этот Зверь был такая тварь и паскуда, что все разбойные паскуды в лесах про него говорили, что он тварь и паскуда, а потому – главный.

– Я тоже тебе предложу и всем вам, – проорал в ответ Лис. – Вы немедленно складываете зброю и сдаетесь на милость мне, боярину истинного господина и владыки этих земель, князю Брячиславу Изяславовичу. К вам будут милостивы – по возможности. В противном случае – всех вас ждет скорая смерть от булата ратного. Это мое последнее слово и другого – не будет!

– Брячиславка-Владыка – нахер поди-ка! – прокричал посол разбойников и, круто развернув взыгравшего коня, умчался к своим.

– Экий обидчивый, – ухмыльнулся Лис.

– Ты умелый, умудренный жизнью посол, – глядя вслед отметил Лесобор. – Кажется, он был настолько убежден тобой, что ему не терпится поведать своим.

– Полагаешь, будут сдаваться? – подмигнул Лис и вытянул добрый пук стрел из связки. Оборотень хмыкнул, а немец направил самострел на разбойников.

³ Динстман – с 11 века особое сословие в Германии(Священной Римской Империи), стоявшее выше горожан и свободного сельского населения, тотчас позади свободных рыцарей. Признаком их несвободного состояния являлась невозможность бросить службу по желанию.

⁴ Министриал – рыцарь из «милости» – человек не благородного происхождения, однако за доблесть, за службу – получивший золотые шпоры и возможность войти в рыцарское сословие по-воле своего господина. Было явлением довольно редким, однако же, существующим и в 11 веке, и много веков после.

– Полагаю, добрый сэр – теперь начинается самое интересное! – улыбнулся старик в ответ, вместо оборотня.

Тугой степной лук закрипел стариком, когда Лис, уперев ногу в землю покрепче, единым движением оттянул тетиву до уха. Три оперенных смерти с коротким свистом ушли ввысь, а боярин уже схватился за следующие, которые он для удобства воткнул в землю за телегой, перед собой. Не останавливаясь ни на мгновение, он трудился сейчас за всех: и за прятавшихся под телегами, и за, пусть и опытного, но староватого для ближней пешей мясорубки немца, и за неопытного в бою волколака. Там, в трех сотнях шагов его стрелы уже начинали падать на головы новых «хозяев» этих земель.

Волколак сжался за стенкой телеги, слыша, как вжикают и с треском клюют ее, ответные стрелы разбойников. Страшное оружие – лук в умелых руках! Оно, конечно, так просто его, оборотня, не убить, но получить стрелу куда-либо – крайне сомнительное удовольствие. Единжды – он уже бывал ранен стрелой, и до сей поры помнил, как страшно бился в чужих руках и выл навзрыд, когда наконечник тянули из раны кривой ложкой. Больше такого – не хотелось. Он позволил себе рискнуть выглянуть краешком глаза из-за спасительного борта – матерящиеся, озлобленные разбойники в лохматых шкурах были уже совсем близко, грозя одним своим напором опрокинуть несчастные телеги. Там, вдали, он успел заметить, что на ногах оставался только один из степняков – он торопливо слал стрелу за стрелой, пока еще можно было – пока его братия не дорвалась до них врукопашную.

«Только бы немец не обманул» – еще мелькнула мысль, когда оборотень, ухватившись покрепче за рогатину, встав за спину Лиса, изготовился к бою.

Дрогнула земля под ударами десятков копыт, а дорожные кусты взорвались цареградским фонтаном, когда кони пошли в напуск. Рудольф жалел лишь об одном – что дорога не позволяла разместить более четырех всадников в ряд, а потому в первой, самой грозной и смертоносной атаке, не могут участвовать все разом.

– Gott ist bei uns!⁵ – проревел рыцарь непривычным, не местным боевым кличем.

Рудольф рассчитал все верно – они вышли в спину врагам аккуратно, когда началась схватка. И боярин, выходит, предвосхитил все верно – чужие конные были именно позади, впереди пылила разбойничья пешая вольница. Единственного чего не просчитали – это большой телеги с высокими бортами, что оказалась в центре разбойной шайки и, волей неволей, создавала неудобства для дальнейшей конной атаки. Торчащих на ней, хорошо видных неказистых на первый взгляд, длинноруких человечков, рыцарь заметил сразу. Степняки! Оба были ранены, причем, видать, недавно: правая нога одного была сплошь в бинтах, побуревших от крови, как и голова второго. Мгновение казалось, растянулось дальше некуда: степняк что-то визгливо кричал своим, натягивая свой мощный лук, конные разбойники повернули лошадей на встречу. И тут, оперенная лебязьими перьями, с широким наконечником-срезнем, стрела ударила одного из степняков в горло. Ударила, выйдя наружу, рассекая мышцы и хрустнув позвонками. Не дала выстрелить. А второй – поцелил. Его стрела ударила не в закрытых броней и щитами людей, а в одного из коней – раненое животное дико завизжало, пораженное в горло, взвилось, перхая, мгновенно сбив ход и порушив атаку идущим во-втором ряду, породив дружную ругань и вопль негодования. Рудольф понял, что, как следует, атаковать смогут только они трое.

– Дерьмо! – единственное, богохульное, но такое подходящее слово сорвалось с его губ, потому что как-либо перестраиваться или даже останавливаться было нельзя ни в коем случае – разбойники оказались на диво проворны и расторопны, и уже гнали коней навстречу атакующим. Остро отточенные жала чужих копий были уже в опасной близости. «Ну, давайте!» – с

⁵ С нами Бог!

ним были рыцари, в добрых бронях, а к ним на встречу неслись люди без доспехов, с небольшими щитами, что было подлинным самоубийством! Он успел рассмотреть ухмылку противника, на скаку поигрывающего копьем, тускло поблескивающие кольца кольчуги, почти незаметной под волчьей шкурой – разбойник был явно не из простых. Враг целил в верхний край щита, чтобы тот, отогнувшись, пустил всю мощь разрушительного удара разогнавшегося коня и силы руки в то место, где сходится бармица и край кольчужного ворота на груди. Ни один доспех не выдерживает такого удара, но Рудольф был уверен – он дотянется до чужого мяса первым: в это мгновение он выбросил из головы все лишнее, сосредоточив все свое существо на острие своего копья, сливаясь со скакуном в едином, мощном порыве, а конь, ровно обретя крылья, припустил пуще прежнего. Победитель нескольких турниров видел – его копье на добрый локоть длиннее копья врага, и это оказалось решающим в сшибке: узкий, отточенный наконечник, словно старую тряпицу, порвал кольчужные кольца, ломая кости, вошел в живую плоть, выбрасывая чужака из седла, как зуб от крепкого удара кулаком. Всем могучим плечом почувствовав мощный толчок, рыцарь тут же понял, что копье засело слишком глубоко, бросил его – в короткой сшибке конных каждое мгновение на счету. Качнувшись в седле, прикрываясь щитом, он вытянул меч и успел даже рубануть во-след, в спину проносающегося мимо еще одного конного разбойника: будь на нем такая же кольчужка, как на первом – только поморщился бы, но под волчьей шкурой у него была лишь рубашка, а потому добро отточенный, дорогой булат, развалил мышцы на хребте, заставил заорать в горьком предчувствии смерти.

Длинный укол саблей в бок врага, пытавшегося залезть в телегу, сокрушительная добавка секирой в голову. Что-то цвиркнуло по-кольчуге на плече – то второй разбойник, торопливо ударил рогатиной, но промазал, а Лис, с короткого маха – метнул топорик прямо в распаленную, бородатую рожу. И тут же выдернул меч. Воспользовавшись мгновением к нему в телегу, оттолкнувшись от подставленных рук, впрыгнул здоровенный бугай, с тяжелой датской секирой. Враг замахнулся было, метя положить грозного десятника единым страшным ударом, но длинная рогатина из-за плеча боярина ударила точно в горло. Булькая кровью, разбойник, выпучив глаза, уронил топор, который вдруг стал слишком тяжелым, а следом – упал и сам, сотрясаясь в корчах. «Молодец, волколак. И не думал что такой хват!»

Потеряв нескольких своих, лихие разбойники смешались и отошли, но тут же с новой яростью навалились на хлипкие заграждения, а Лисослав, успев взяться за чужую секиру – следующую атаку он встретил тяжелыми ударами огромного топора, отсекая руки и пальцы врагов, пытавшихся растащить повозки. Однако в этот раз тати этим не ограничились: часть их, оббежав заграждения по лесу, напали сзади и сумели таки ворваться в обороняемые телеги. Теперь все решится в короткий срок. Поняв это даже женщины, забыв веление боярина, изпод телег стали ножами и серпами колоть в ноги врагов.

Боярин схватился разом с тремя, четвертый поднявшийся замахнулся было на спину боярина широким саксом⁶, но тут же получил тяжелый арбалетный болт в бок. Разбойник оказался достаточно силен, чтобы заорать перепугано, увидев длинную струю крови, выбивающуюся из под его волчовки, и развернуться к стрелку, старому немцу, на которого, благодаря отчаянно отбивающимся мужикам с топорами, пока никто не напал. Затем силы оставили татя и он, уронив сакс, больно стукнувшей его же по макушке, тяжко ополз под ноги сражающимся.

Боярин рубил, мозжил, переламывал, не особо заботясь о защите: с двуручной секирой это попросту практически невозможно – это оружие атаки, не защиты. К тому же чтобы пробить столь добрую кольчугу, что на нем – требовался широкий замах со всего плеча, а в судо-

⁶ Скрамасакс, сакс – род широкого, с однолезвийной заточкой ножа-кинжала, иногда достигающий размеров обычного меча. Был крайне популярен как в германски- скандинавских землях, так и далеко за их пределами за свою простоту и практичность.

локе скученности в телеге – это было крайне трудной задачей. Зато от тяжких ударов огромного топора не было защиты: не спасали ни щиты, ни шлемы, и сами разбойнички падали убитыми и покалеченными к его ногам и с повозки. Один за другим.

На оборотня навалился ражий малый – крепко вцепившись друг в друга, они упали на дощатый пол, позабыв обо всем и всех. Разбойник оказался крепок – прижал спиной к стенке телеги, но и Лесобор повис на нем как клещ. Они хрипели, дергали и тянули друг друга в попытках освободить руки – оборотень пропустил крепкий удар коленом под дых, грудь скрутило болью, он в ответ попытался боднуть головой в нос врага, но тот подставил лоб, и искры из глаз от удара посыпались у обоих. Полуослепленный, разбойник, чтобы не дать врагу освободиться прижался к нему, сжав левой рукой в объятиях – словно неумелый любовник, а вторая, Лесобор это видел – поползла, преодолевая сопротивление, к поясу, где болтался короткий нож. Злобный рык заклокотал в глотке – волколак прижался еще плотнее, обхватив врага руками, а зубами вцепился в щеку крепыша. Тот заорал, попытался оторваться, но не тут-то было: почти не чувствуя от злобы ударов, сыпавшихся на него, волколак вырвал клочок плоти из морды врага и боднул таки того в нос. Разбойник тонко взвизгнул, захлебываясь кровью и болью, а Лесобор, с утробным рычанием вцепился зубами уже в разбитый нос врага – хрустнули хрящи. В ушах гудело от воплей и шума боя, когда он рванул головой вверх – противник отшатнулся, насколько можно было на этом узком поле боя, но оборотень только этого и ждал: освободившаяся на мгновение рука успела жадно хапнуть по-чужому поясу и сорвать нож. Слепленный потоком крови враг, не успев ничего – его собственный нож пырнул его в живот, в грудь, в плечо, в руку, в живот – у Лесобора не было опыта обращения с клинком и он просто бил и бил, испыряв врага вдоль и поперек. До тех пор, пока тот не перестал булькать и содрогаться.

Лис сшиб с телеги еще одного, когда, наконец, услышал тяжелый топот коней. Четверо конных, наконец, с ревом ударили по навалившимся на повозки разбойникам – треск, вопли, крики боли, кровавые брызги и мясная каша под тяжелыми копытами! Кажется, победа стала окончательно склоняться на их сторону.

– Рогатины! – орал кто-то. Верно орал – без копий пешие бессильны перед конными, а те – уже не давали разбойникам продыху, рубя сверху, с оттягом, так чтоб и щиты, буде такие есть – не спасли. Татей было по-прежнему многократно больше, чем всадников, но это уже ничего не значило: кто-то еще сопротивлялся, потому как понимал, что бежать некуда, посекут в спину, а грозные немцы, отступив для разгона, с окровавленными мечами, атаковали вновь, силой и напором тяжелых коней, бесстрастно рубя бессильных перед ними пешцев.

Мельком глянув на всего в крови, но поднимающегося оборотня, боярин переливисто, по-особому свистнул, подзывая коня. Там, уже за спиной гинувших разбойников и губящих их конных, двое уцелевших после первой атаки конных, степняк и раненый молодой разбойник, ловили разбегающихся без седоков коней. Бросив тяжелую секиру, подхватив саблю, Лисослав поскакал следом, положившись на прыть и мощь своего боевого коня.

Долгой погони не получилось – заметив, что за ним гонятся, степняк оценил чутьем старого табунщика, что конь под преследователем – добрый. Намного лучше его большеголовой, гривастой лошаденки. Зато он так же заметил что враг, в пылу резни – кинулся в погоню без копья, а вот у него-то копьё было! И этим самым копьём кочевник в молодости, на праздниках богатуров, не раз и не два ловил кольцо в траве. С этими мыслями степняк, крикнув молодому чтоб не отставал, погнал коня встреч преследователю.

Лис, увидев, что враг развернулся для сшибки, лишь пришпорил Беса. Враг метил копьём в грудь, умело закрываясь щитом сам – на такой скорости нет доспеха, который бы удержал удар копейного жала. В самый момент, когда до наконечника оставалось каких-то два локтя, – боярин, ровно все детство и молодость провел среди печенегов, молодецки распластался на спине коня. Почти лег в седле. Наконечник опускался вслед, но было уже поздно – кони нес-

лись стремительно. Одновременно старый воин секанул саблей, проскрежетав, вдоль древка копья – вниз посыпались пальцы, упало и само копьё, а страшный вопль он услышал где-то за спиной. Сабля повисла на ремешке, и копьё следующего он перехватил, рукой за древко – удар был крепок, в руке закрипели все суставы и связки, а ноги, сжав конские бока, казалось до хруста, лишь чудовищным напряжением мускулов сумели удержать боярина в седле. Владелец копья, хищно щерящийся в предвкушении крови, парень в волчьей шкуре, его сноровкой не обладал. Он попросту вылетел из седла, оставив копьё в руках более сильного противника. Боярин послал своего жеребца на места падения – конь споткнулся, «проплясал» копытами по чему-то мягкому. Готов молодой упырь! Копьишко его было дрянным, не длинным, нечета оставленной волколаку рогатине, но зато у него в руках теперь было самое грозное оружие тяжелого всадника. Покалеченный степняк, воя от боли, разворачивал коня, левой рукой сбросив щит, торопливо пытался вытянуть саблю, но все никак не мог – его и сшибло с седла отобранное копьё. Лис соколом пал сверху, прижал коленом и быстро связал. Теперь – все. Теперь он узнает, что там за Зверь решил хозяйничать в землях его князя.

2 глава. Клятый призрак

В лето 6533 от сотворения мира*⁷, в месяц червень*⁸ пятого дня, близ городища Комышелог был встречен пристранный отряд, уверовавший в то, что и град сей, и земли его – то вотчина их хозяина, рекомого Зверем, а люди, живущие в тех землях – суть их слуги да холопы. Твердой рукою и волею Господа нашего, мы решительно пресекли сии опасные глупости и вольнодумства, а людишек – побили, поелику переубедить не выдалось ни коей возможности. Зверь тот, как мыслю – суть изверг, тать и из негодных людишек, и большой опасности не представляет, однако ж при поимке – должен быть казнен немедля.»

Написано рукой боярина Лисослава Велимовича.

– Добрый сэр обучен грамоте? – Немец подошел почти незаметно под скрип шила по бересте. Лис рассеяно кивнул – место для задуманного было не самым удачным: сидя на снятом седле, подложив под бересту щит, он чувствовал себя до пренельзя глупо. – Зачем это?

– Князю Мстиславу буду пересылать гонцами в больших городцах, – ответил боярин. – Батя неволил к грамоте, хотя я в молодости не понимал, зачем такое боярину. У нас многие большие бояре и читать не умеют.

– У нас так же, – рыцарь присел рядом, на свое снятое седло. – Однако и меня отец. Мир праху его, неволил в грамоте. Оттого знаю счет и письмо, ведаю семь языков.

– Эко, – хмыкнул боярин. – Я вот ведаю токмо четыре, и один их них – самый убедительный, койи весь ратный люд знает.

– То какой же?

– Язык меча. Как вижу – именно им с нами и желали договориться негодяи, да мы – зубастыми оказались.

Рудольф кивнул.

– Они убили бедного Отто, ранили Вольфганта и Арнольда, но вроде бы – ничего серьезного. Они самые молодые – раны быстро затянутся.

– Рад слышать, гер Рудольф.

– Мне кажется, добрый гер, вы незнакомы с иными членами моего отряда?

– Не имел удовольствия.

– В таком случае, самое время это исправить, – фон Оуштоф указал на крепкого, рыжеволосого воина с метиной шрама на правом уголку рта. – Гер Грувер из Тироли. Наши родители в крепкой дружбе, но сам он, как и я – младший сын, а потому – здесь*⁹.

Далее он кивнул на высокого молодого блондина. – Гер Шварн, как и мой дорогой Удо – министерал моим повелением, но доблестью и отвагой они не уступят родовитым рыцарям.

– Не сомневаюсь, – заверил старый воин.

Блондин почтительно кивнул, а Рудольф указал на коренастого черноволосого бородача, не слишком высокого роста, но обладающего плечами такой ширины, что он казался почти квадратным.

– Гер Роллон. Пусть добрых людей не смущают невысокий рост рыцаря – в бою он сущий Дьявол!

⁷ Дело в том, что вплоть до Петровских реформ на Руси вели летоисчисление не от Рождества Христова, а от «Сотворения мира» которое было, по верованиям в 5508 году до Рождества Христова.

⁸ Червень – июль.

⁹ Младший сын в дворянской семье, как правило, являлся тем, чье наследство зачастую было лишь в доспехах, мече и коне. Свои умения такие предпочитали перепродавать более финансово успешным сюзеренам, сколачивая свое состояние мечом. Были среди них немалым числом и странствующие рыцари-бродяги. Или же просто подавались в отряды наемников, зачастую – весьма скверного образа, грабящие без разбора население своей страны как чужое.

Рыцарь хмуρο кивнул. Руки у названного были невероятно длинными и казалось, если бы коротышка сейчас поднялся бы у костра во-весь свой рост – то его конечности спускались бы ниже колен.

– Крепкий у тебя отрядец, добрый гер Рудольф. В нынешнее время, в этих землях такой отряд – большая роскошь. Теперь я понимаю, как вы сумели отбиться от разбойников – у тебя в отряде одни рыцари.

– Без твоего лука, мой дорогой друг – мы бы не отбились, – вернул любезность фон Оуштоф.

Неловкая пауза подсказала немцу, что смущает боярина.

– Должно быть, добрый гер думает, отчего такие рыцари как мы – одни так далеко от родины?

– Все верно, – кивнул Лис. Кто-кто, а он, воюя бок о бок с западными ратными и против них – знал, что обычно каждого рыцаря должны сопровождать два-три подчиненных воина и не меньше полудюжины слуг, способных, при необходимости – бить из самострелов или пырять копьями. А уж отряд из восьми рыцарей, один из которых из очень богатой семьи – это пять больших десятков, никак не меньше!

– Мы сами себе слуги и сами себе оруженосцы, – пояснил фон Оуштоф. – Таков наш общий рыцарский обет.

– Чудно, – усмехнулся десятник, разглядывая немцев. – Так что вы ищите в таких небезопасных землях, как наши?

– То в большом граде скажу, – улыбнулся Рудольф. – Но даю тебе мое рыцарское слово, добрый гер – худого не замыслили, и только лишь на пользу местным все.

Лис хмыкнул, подумав, кивнул. «Здесь можно и поспорить. Недаром, когда ратный люд в Неметчине объявляет что собирается трудиться для общественного блага – общество содрогается в ужасе, предвкушая такой труд над ним».

– Уже на пользу выходит, – боярин дипломатично не стал высказывать сомнений, кивнув на порубанных. – Посадником в Комышелог – мой старый друг и побратим – я ему когда-то меч в руки вложил и опоясал гриднем. Если вы с подмогой – он будет только рад.

– Приятно слышать, – учтиво кивнул рыцарь. – Если добрый гер окажет содействие нашему отряду перед лицом хозяина этих земель – наша скромная благодарность всегда найдет способ в будущем не остаться в долге чести.

– Как вам будет угодно. Впрочем – вы уже спасли местных – без вас они б ни за что б не справились. Такой большой воинский отряд разбойников я давненько не видывал.

– Очень странные враги, надо сказать. Иные из них – похожи на раубриттеров*¹⁰ из нашей страны и мало чем отличаются доспехом от нас самих.

– Так и есть, друг мой. В этом суть – странность. Как и в том – отчего к нам не приспела стража города на помощь.

Рыцарь кивнул, посмотрел туда, где его воины разжигали третий костер. В Комышелог они опоздали – на ночь, стража запирает город, опасаясь ночных тварей, и никого до самого утра не пускает – в этом они убедились лично. Ночевали всем отрядом на обочине дороги, подальше от места битвы, ибо свежепролитая кровь могла привлечь всякую нежить. Не углубляясь в лес и стараясь отгородиться от него повозками, с посменной стражей.

Спасенные оказались большой семьей евреев, решивших переезжать из Турова в Чернигов, оттого собравшихся в столь длинную поездку большим числом. Впрочем – оказавшимся недостаточным, чтобы одним собой отпугнуть такую большую шайку головорезов, что напала.

¹⁰ Раубриттер – рыцарь-разбойник. Увы, земельных наделов и хлебных мест рядом с зажиточным сюзереном хватало далеко не всем дворянам, и потому люди, ничего не умеющие, кроме как владеть всевозможным оружием – иногда сбивались в весьма грозные шайки, становящиеся подчас подлинным бедствием для округи, где они решили промышлять.

Пожитки, вопреки распространенному мнению, иудеи не скрывали от взглядов спасителей: оно, конечно, добро жалко, наживалось всю жизнь, но цена жизни – все равно перевешивала. Немцы, вопреки ожиданиям боярина, повели себя со спасенными тоже весьма щедро: добычу, взятую с разбойников они поделили меж собой и боярином, но пострадавшим – отдали трех коней, добытых у татей, что само по себе было неслыханной щедростью!

Соблюдая законы гостеприимства – глава семейства просительно предложил угостить всех ужином. Это было разумно: в ночное время, вне стен городов или крепостей, чем больше людей собиралось в одном месте – тем меньше было возможности ночным тварям атаковать собравшихся.

Кашеварить взялась старая жена иудея и истосковавшийся в походах на сухарях, солонине и сухом мясе по домашней пище, Лис готов был есть за троих. Для ратных – еда – святое, а потому, похоже, что в этом желании от боярина ни рыцарь, ни его свита – не отстанут. Благо огромный котел, взятый с разбойничков, был даже большим, чем бывал в добрые времена у его десятка. Вот и сейчас старая Сусанна крошила в булькающий разварным мясом суп лук и грибы, пока все сидели у костров, вытянув к теплу ноги. Иногда спасенные, тайком, посматривали на медальон боярина, но вопросы задавать не решались. Его это устраивало. Черноглазые, смуглые они шептались на родном языке, не зная, что боярин их понимает, так как долгое время служил в одном десятке с несколькими иудеями-хазарами.

Рядом с ними скромно присел, кряхтя, отец семейства, Иезикииль Моисеевич, которого жена звала просто и коротко – Изей.

– Боярин понимает наш язык?

Лис кивнул – старики всегда более внимательны, чем молодые, и замечают часто намного больше.

– Благодарю тебе, Лисослав Велимович, – с чувством сказал старик. – Благородный Рудольф фон Оуштоф отказался брать гривны – может ты возьмешь?

– С каких пор богатыри добрые дела делают за гривны? – хитро прищурился боярин, глядя на старика.

– Ну что ты, – иудей выставил руки в успокаивающем жесте. – Я вовсе не хотел обидеть. Прости, боярин – я просто не знаю, как выразить свою благодарность. Рыцарь вон – сказал, что доброго ужина для него и его людей – будет достаточно.

– Тут я с ним полностью согласен, – боярин искоса посмотрел на сидящих у соседнего костра воинов и на мирно спящего рядом Лесобора. Вздохнул – вот уж у кого нервы крепкие и нет никакой горячки после боя.

– Теперь – я уверен, что мы безопасно доедем до самого Киева.

– Не накликал бы, – десятник лениво потянулся, пряча бересту в седельную суму.

– Иудеи не верят в сглаз и предзнаменования, – скупое, по-стариковски улыбнулся дед. – Я отец пятнадцати детей и не ведаю что такое страх перед такими глупостями.

– Старшие уже со своими семьями? – догадался воин.

– А то, как же, – с гордостью подтвердил иудей. – К ним и едем. Они в Чернигове обосновались давно. Дела идут в гору, чай не забудут своих стариков с братьями и сестрами.

Десятник кивнул. Обречен тот народ, кто, забывая добро и защиту в прошлом – не заботится о своих старых родителях. Нелюдям нет места в мире.

– А почто решили переезжать-то, отец? Али в Турове притесняют ваших? Что-то такого не припомню.

– Не притесняют, – старик покачал головой. – Молодой князь ласков. К чужой беде – отзывчив по молодости. Век бы свой там доживали с женой в душевном покое и благодати, да молодых – тоже пристраивать надо. А без родичей, без знакомых в малом граде – жить сложно.

– Ой, темнишь, старый, – улыбнулся боярин. – Только что сказал «в благодати», а тут – «жить сложно».

– Ну, – потянул Иезикииль, – ... нам с женой что терять? Мы уже и спим-то давно врозь, чего нам старым нужно от жизни-то?

– Так они и жили – спали в рознь, а дети – были! – улыбнулся этому боярин, но уточнил. – А детям там худо? Опять темнишь, старый. Чего петляешь? Говори, как есть, не обижу жеж.

– Как есть, – проворчал еврей, – все вы так говорите, а поверишь, да скажешь, что на душе – вмиг кулаками махать начинаете!

– Слову боярина не веришь? – удивился Лис. Он не разозлился – кто-кто, а старый иудей точно бы не стал грубить или пытаться задеть воина.

– Верю, – поспешил заверить старик. – Да вот ты сам – веришь себе? А ну как я что недоброе скажу для вас, христиан – что делать будешь?

– А ты скажи – и узнаем, – рассмеялся Лис, а потом посерьезнел. – Хочешь, я скажу, отчего идешь в Чернигов? Сказать, что тебя гонит?

– Будь добр, боярин.

– Страх. Я понимаю – Туров окружен болотами со всех сторон. Со всех сторон подступают враждебные ныне племена, предавшиеся своим Черным богам и болотной нежити. Вот от чего бежишь с семьей в большой и более безопасный Чернигов. Так? Не бойся – нет зла во мне.

– Тебе, богатырь, не понять старого иудея, – покачал головой. – Мой народ издревле всеми гоним, издревле не имеет своей земли и нам не устают об этом напоминать, даже если чужая земля становится родной. То, что ты сказал – правда, да лишь половина ее. В трудные тяжелые времена народ – особенно зол, а зло – родня ненависти. А ненависть – жгучий яд, отравка которого затуманивает даже светлый ум. Людей все меньше в Турове и округ него. Даже на этом безопасном, как говорят, тракте – встречаются пустые села – ты их видел сам.

Лис кивнул – такое не заметить сложно. Остатки порушенных, заросших буйной зеленью домовин и изб, при одном приближении, к которым медальон на груди ровно с ума сходил, пыхая холодом и дрожая. Там не было ни единой живой души, а новые нечистые хозяева не ведали о законах гостеприимства. Старик продолжил:

– Когда у людей беда, чужое счастье ярит и жгет душу, а когда счастливый еще и чужак племенем – это рождает ненависть. Чем меньше людей в Турове, тем больше заметно чужое счастье. А что делает старого иудея счастливым? Крыша над головой, сытые дети, трудолюбие и дела что спорятся. Разве это много? Ты не поймешь, боярин старого иудея, а я знаю, как бывает. Вот и решил уходить, пока все не слишком плохо.

– Потому что в многолюдном Чернигове ваше счастье будет не так заметно, – кивнул ему Лис. – Я понял тебя, отец. В твоих словах есть своя мудрость. Не обижайся – мне и вправду не понять. Я человек меча.

– Так и есть.

– Ты слышал о пророчестве?

– То ваше, христианское пророчество, боярин. Слышать-то слышал, но вот... – иудей замылся.

– И в него не веришь? Неужели у вас нет пророчеств?

– Нет, – пожевав сухие губы, ответил иудей. – У нас мудрость, передаваемая от отца к сыну и далее. Мудрость, которую копят сотни поколений.

– И что же она говорит, ваша мудрость?

– Что старому иудею с его семьей надо уходить в Киев! – улыбнулся Иезикииль.

– Я еду из Киева чтобы служить и защищать всех – и вас тоже. Не веришь, что дружина, которую собирал Черномор – справится?

– Верю-верю, – заверил старый еврей. – Но таки верится мне в это лучше в стольном граде, чем в малом городишке.

Боярин кивнул. Искоса посмотрел на связанного пленного степняка – попытать толком того не удалось – времени до заката было в обрез. А теперь тот и вовсе лежал без чувств – многочисленные ранения его окончательно сломили.

– Кто такой Зверь, отец? Может, слышал? Если желаешь расплатиться, то вести были бы неплохой платой мне.

Старый иудей мелко покивал, задумался, тоже глядя на связанного степняка.

– То лучше у тысяцкого в Комышелогe спросить.

– Но что-то ведаешь?

– Слыхивал, как же. Вот уже с месячишко в городке беспокойно из-за него. Шайка промышляет ночью одинокими путниками да небольшими компаниями. Иной раз – просто ограбят, а иной – одни кости остаются от людей, ровно волки лесные рвали. И ежели людишек поболее чем двое – обязательно одного оставят – чтоб, значит, сказывал – то мол, послание от Зверя – ему надо кланяться как господину – и тогда ничего дурного делать боле не будет.

– Что за чушь? – возмутился старей воин, но иудей лишь развел руками.

– А я что? То слышал – то и говорю. Нам, иудеям в такое лезть не с руки.

Мирно сопящий крепким сном Лесобор вдруг резко вскочил, ощерившись, а дети старика, жавшиеся друг к другу воскликнули что-то неразборчивое и указали на темный край леса с противоположной стороны. Воины и рыцарь у второго костра схватились за оружие.

Из леса выплыло нечто. Вскочившему на ноги со всеми Лису это вначале показалось сгустком тумана, но нечто стало обретать полупрозрачную человеческую форму. Медальон ощутимо похолодел, и витязь положил руку на рукоять верного меча. Семейство старика забилося в телегу, ошестившись всем, что могло бы служить оружием. Оборотень схватился за арбалет, собираясь метнуть стрелу, но боярин жестом его остановил. Существо не двигалось с места, замерев в полутора десятках шагов от огня, будто разглядывая собравшихся.

– Слава Иисусу Христу! – могучим басом пророкотал Лисослав.

– Во-веке веков, – после недолгой паузы отозвалось гудящим шепотом нечто.

– Приветствую тебя, скиталец, – Лис убрал руку с рукояти меча. – Присаживайся к костру, коли нет в тебе злого умысла, а коли есть – не обессудь.

– Не надо его к костру, – сдавленной мышью пискнул старик.

– Он славил Христа, он не зло, – отрицательно качнул головой боярин, видя, как чужак медленно приближается.

– Ну и что?

– Как что? Нежить во злобе своей не терпит такого.

– А вдруг он – иудейская нежить? Тогда ему плевать на такое!

– Старик, а ты часто встречал в этих землях подобное?

– А вдруг – этот первый?

Призрачный гость приблизился к костру достаточно, чтобы можно было рассмотреть его призрачную фигуру – это был немолодой воин с длиннющими усами, спускающимися почти до пояса, в пробитой кольчуге и помятом шлеме, с мечом в ножнах.

– Благодарствую, – прошелестел призрак воина, и Лис понял, почему он шепчет: на горле у пришельца зияла большая дыра – толи от стрелы, толи от копья. – В наших землях ныне забыли об вежестве. Ты первый кто пригласил к теплу за долгие годы, боярин. Видать старые традиции еще не перевелись в этом мире.

– Тяжелые для Руси времена, – согласился Лисослав. – Откуда ты, витязь?

– Из дружины князя Аскольда.

– Один из первых христиан среди бояр? – догадывается боярин. – Сейчас христиан не в пример больше.

– Такие были времена, боярин.

Взгляд призрака уперся в медальон на груди десятника – и черты лица существа перекашивает.

– Убери, – еле слышно шелестит он.

– Почему?

– Убери, прошу. Потом скажу.

Лис спрятал медальон за пазуху.

– Ты слышал о пророчестве?

– О нем все слышали, – шепчет дух. – Дружина, которая будет спасать человечество.

– Верись в нее?

– Я ее вижу, – был ответ. – Вижу и знаю, что вы, люди, делаете все, чтоб оно сбылось.

Но никто не знает, чем пророчество оканчивается.

– Не разговаривай с ним, добрый сэръ, – рыцарь с рукояти меча руки не убрал. – Он может заморочить голову и смутить дух.

Боярин досадливо скрипнул зубами, но ничего не ответил рыцарю. Ничего на это не сказало и призрак, и десятник продолжил.

– А сторона Тьмы – знает?

– То мне неизвестно. Я – не сторона тьмы, я неупокоенный. Но я могу сказать, что ждет тех, кто носит такой же знак на груди. Большую часть.

– И что же это?

– Гибель. На них уже ведется охота из-за Кромки. Все в опасности. И тебя ждет гибель боярин, ведающий старый Покон*¹¹. Оставь это дело и уходи в чужие земли. От одного твоего меча – ничего не изменится, а дружина – не обеднеет. Прошлое идет за тобой попятам и скоро настигнет там, где и не ведаешь. Уходи обратно в Куяв*¹².

– Вот оно как, – заключает Лис, усмехаясь в усы, видя, как бледнеет лицо старого иудея, как молча поджимает губы рыцарь. – Прошлое уже меня настигало – не страшно теперь... Ну и как это? Ты сам меня назвал ревнителем старых традиций – как же ты мне предлагаешь такое?

– Я лишь попытался спасти твою жизнь, – было ответом. – Твое решение – только твое.

– Я уже погибал – вот таков мой ответ. И я не могу уйти, оставив остальных. Особенно теперь, зная о гибели собратьев по дружине. А меч – вдруг он окажется тем единственным, чьего удара и не хватит для победы? Дружина плечом побратима крепка – даже если это верная смерть. Смерть воина на поле боя – обычное дело, так уходили лучшие из нас. Я не боюсь Смерти.

– Все ее страшатся, – возразил призрак. – Все и всегда. Важно кто и как ее встречает. Гибнущих достойно – немного.

Призрак поднялся над травой, молча поря на легком ночном ветерке.

– Спасибо на мудром слове, воин. Я не могу поменять свою судьбу, но могу поменять твою. Где лежат твои останки?

Призрак молчит, паря над землей, словно в тяжелом раздумье. Лису кажется, что он уже не ответит, но дух указывает в направлении леса.

– Мои останки растащили волки, боярин. Мой череп, вымытый слезами дождя и иссушенный дыханием ветра – лежит на дне оврага. У большого камня похожего на бычью голову.

– Я тебя понял, витязь, – кивнул боярин. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы его найти похоронить по-христиански.

– Благодарю, витязь, – шепчет приведение. Оно поворачивается спиной и, уплывая во тьму, тает во мраке леса. Какое-то время царит тишина, слышно лишь испуганное дыхание иудейского семейства и сердитое сопение рыцаря.

¹¹ Покон – здесь и далее – имеются ввиду законы-указания о верной жизни от древних прашуров.

¹² Куяв – очень древнее, неславянское название города.

– Зачем? – заикаясь, спросил старик. – Зачем ты с ним разговаривал? Какие вообще могут быть разговоры с подобным?

– И чем тебе он не понравился Иезикииль Моисеевич? По мне – добрый, воспитанный муж.

– А ну как беду накликает на всех нас? – нервно сглотнул глава семейства, опасливо поглядывая туда, куда скрылся призрак – а ну как услышит?!

– Эх, ты, – Лис осуждающе качает головой. – Слушай внимательно, Иезикииль Моисеевич: завтра же найдешь череп, где указано, и отвезешь его в Чернигов – вот что я тебе скажу. Там – отдашь владыке Иллариону и объяснишь, что нужно похоронить по-христиански, отпев.

– С чего бы это? – ошетинился еврей. – Чтобы он на протяжении всего пути пугал меня и мою семью? А то и похуже что-то сотворил?

– Не видишь ты людей, хоть и иудей, – назидательно пояснил десятник.

– Это – не человек. Ты тоже его ведать не можешь!

– Он сам заинтересован, чтобы вы это сделали, – мягко пояснил боярин. – Да он всю дорогу будет нежить от вас гонять, чтоб все получилось! Надежнее стража – просто и придумать сложно в пути.

Иезикииль обескураженно задумался, подсчитывая про себя возможности, а Лис вытащил из небольшого мешочка у седла крупную рубленую пластинку и кинул ее старику.

– Это тебе плата серебром. Мне никогда не понять старого иудея – здесь ты прав, Иезикииль. Но тебе – никогда не понять старого воина. Ни действий, ни поступков. Потому что для тебя это другой мир, как для меня – твой. Этот несчастный скиталец мне сейчас поведал больше, чем могли бы поведать кто-либо из живых людей. Он поведал вести с другой стороны! И цена им – множество жизней. В том числе и ваших, быть может. Он – заслуживает погребения и он – не Зло.

Какое-то время Иезикииль обдумывал сказанное. Нехотя, неуверенно кивнул.

– Ты мудр, боярин, – заключил старый еврей. – Мудр и благороден. Если это все так, господин и если мы доберемся до Чернигова без иных нападок – я сделаю то, о чем ты просишь. А еще – двери семьи Иезикииля Моисеевича – всегда будут открыты перед тобой богатырь. И перед твоей нуждой в случае необходимости.

– Благодарю от чистого сердца, – тепло улыбнулся одними глазами Лис.

– Хватит болтать, – сварливо проворчала старая Сара. – Еда холодной не станет вкуснее.

И тут воздух дрогнул от низкого утробного, тоскливо-тяжелого воя с прирыком. Такого странного звука боярину еще не доводилось слышать. Так должно быть кричит грешник на пути в ад, когда из него вынимают душу. Слабый свет амулета на груди сказал больше слов.

– Что это? – боярин недоуменно посмотрел на вдруг съездившегося, ставшего маленьким и незаметным Лесобора. Волколак нервно пожал плечами – его глаза стали и вовсе совиными. Вой повторился, но значительно ближе и громче, заставив уже всех вскочить с мест, похватать мечи и копья. И залезть в телеги тем, кто их не имел. Ночной лес – обманывают, коверкают звуки, отдаляя их или наоборот, приближая, но боярин был уверен – вой был с места, где большой кучей они побросали тела сраженных разбойников в овраг и присыпали землей.

– Святой Маврикий*¹³, будь к нам милостив, – шепнул чужеземный рыцарь где-то рядом, взглядываясь во тьму ночного леса, нависающего над освещенной кострами частью дороги. Треск кустов, низкое утробное рычание совсем рядом.

¹³ Святой Маврикий – христианский мученик, по преданию, предводитель Фивейского легиона. За отказ казнить единоверцев-христиан – был зверски замучен за неподчинение императору вместе со своими воинами. Причислен к лику святых в 4 веке. Был одним из обладателей «Копья Судьбы». День памяти – 22 сентября. В Средние века – считался покровителем рыцарей. Считался покровителем рыцарей.

– Боярин-батюшка, – иудей остался с мужчинами, вооружившись топором и теперь, с беспокойством, заискивающе глянул в глаза Лисослава. – Может и это будет не таким страшным, как призрак? И с ним удастся договориться?

Талисман пыхнул теплом вишнево-красного цветом.

– Не думаю, – проронил витязь, а затем громче, выйдя немного вперед: – И что?! Будем по лесу бегать – или займемся делом? Выходи, ночная тварь – схватимся честно, как в старые времена!

– Не надо, Лисушко, – то Лесобор трясущейся рукой, робко попытался утянуть боярина за подол кольчуги поближе туда, где ошетинились копьями немцы.

– Нишкни, я знаю что делаю.

Лес перепугано замер небывалой тишиной: разом перестали пищать ночные птицы, треск ночных сверчков тоже оборвался, будто бы все живое настороженно прислушивалось вместе с людьми. В тяжелой ночной тишине стало отчетливо слышно, как кто-то большой двигался сквозь кустарник, вокруг костров. Деревья ночью крадут звук, обманывают и, казалось что ночной посетитель совсем близко, но боярин знал, что тот держится на расстоянии. Пока. Беспокойство волколака передалось и Лисославу, но боярин умел держать в узде свои страхи и опасения. Чего может бояться волколак в лесу? Лес молчал как мертвый – там, в зарослях находилось нечто такое, что не принимала сама природа, как противоестественное и чуждое.

– Выходи и сражайся, тварь! – Лис крутнул мечом, тяжелое лезвие со свистом прочертило восьмерку в ночном воздухе. С порывом ветра до сгрудившихся людей со всех сторон донесся многоголосый шепот – голоса почти не слышно, едва-едва различимо шептали одно и то же:

Придет серенький волчок,

И ухватит за бочок.

Шепот усилился, превращаясь в гул с шорохом листвы в лесу и скрипом ломаемых веток – так, будто кто-то легкий и многочисленный, на мягких лапах бегал за кромкой тьмы вокруг круга света, не решаясь в него вступить.

– Раны Господни, – прошептал гер Рудольф и размашисто перекрестился. Из чащи послышались шепчущие смешки и дразнящий свист. Шумела целая толпа, десятки шепчущих голосов – мужских, женских и детских повторяли фразу уже не скрываясь, а порывы ветра, странного в окружении леса, заставляли костры искрить. Воины, крестясь, подкидывали в них поленья и сухие ломанные ветви, боясь что проклятый ветер задует тот последний свет что оделял их всех от окружающей тьмы. Шепот перерос в грохот – так жутко трещат сухие деревья в ночном лесу, так порывы урагана забавляются с крестами на заброшенном проклятом кладбище – так не шумит обычный лес. И вдруг все стихло – резко, будто обрезали все звуки.

– Выходи и бейся со мной! – вновь проревел Лис, потрясая мечом. – Один на один. Как в старые добрые времена.

И тогда, в полной ночной тишине, тяжело, с прирыком и гулким придыхом, от явно громадной, как кузнечные меха, грудной клетки, прозвучало нечто похожее на рев зверя, пытающегося заговорить по-человечески:

– Не-е с тобо-ой.

Кто-то большой шумно выдохнул, а треск кустов стал удаляться от всполошившихся людей и света их костров.

3 глава. Посадник Комышелого и жрец Велеса

Величайшее из достоинств оратора – не только сказать то, что нужно, но и не сказать того, что не нужно».

Марк Тулий Цицерон.

Комышелог, небольшой ныне городок числом жителей редко, разве что в годину опасности нашествия, когда под защиту его стен сбегались жители округ, превышающий тысячу человек, встретил их настороженно – закрытыми воротами. И отворять их перед всадниками и пешим – никто не торопился. Так же неприятно удивили колья, вкопанные в ров, перед стенами – на кольях тех покоились отсеченные гнилые головы и даже живой полутруп поднятого. Нежить посаженная на кол не имела рук и ног, только голову и тело и, видимо, место своего последнего пристанища получила давно – тело иссохло почти совсем, но при виде приближающихся всадников, поднятый, все же смог поднять голову. Он открыл и закрыл с тугим скрипом сухую пасть, но звуков издать не смог. Десятник недовольно поморщился, оглядев его, но копье марать не стал. «Чего это Боеслав так жестоко? На него не похоже!»

– Отворяй! – прочистив глотку, прокричал Лесобор.

– Прочь езжайте! – ответили сверху. – Чужих ратных пуцать – не велено!

– Сдурел? – возмутился волколак. – Ты глазья-то разуй, ирод – свои мы ратные.

– Слыхали мы, какая бойня вечером была от таких своих подле городца! Небось, всех погубили, ироды? Тикайте, пока стрелами вас потчевать не стали.

Там, на стенах взаправду, появились сразу несколько отроков с луками наготове.

– Окунь – глянь?! С ними Гзашка-степняк! Связанный!

– Точно, он.

– Ну, так, стало быть, мы друзья, а не вороги? – предположил на это волколак.

– А все едино – отворять ратным – не велено, – насупился первый из говорящих.

– Старшого позови, отрок, – невозмутимо посоветовал Удо. – С ним поговорим.

– А я и есть старшой! – нагло поведал отрок в ответ. – А ну сдриснули, пока я добрый!

– В соплях не запутайся, старшой, – попробовал еще увещевать Удо, хотя было видно, что глаза старика, от такого непочтения к возрасту, медленно наливались кровью. – Мы по делу к посаднику города. Будешь задерживать нас – не избежишь побоев на свою голову.

Сказано было вроде как неизбежное, но молодой был, видать в той поре взросление, когда дурная щенячья кровь била в голову и за куда меньшие поводы – он пустил стрелу первым. Целил в Удо, но видать, эта же щенячья кровь, заставила спешить от чувства уязвленной собственной важности, а потому пернатая просвистела мимо – сажени на полторы, да с такого близкого расстояния. И быть бы беде, потому как у немчуры с собой было арбалеты, а ребята они были куда как более тертыми, чем глупые отроки на стенах, но вмешался боярин. Желая посмотреть, как будут вести себя чужаки, так и не узнав их цели в этих землях, пребывая в размышлениях, Лисослав, немного задержался со своим вмешательством: теперь, сорвав с себя шлем, чтобы стало видно его всем известную здесь рыжую шевелюру и усатое лицо, бесстрашно выехал к стене.

– Охренели, сучьи дети! Я боярин Лисослав Велимович! Ваш батька клятву давал князю Брячиславу, я ближний боярин его. Запорою до полусмерти кнутом, коль сей же час, не прекратите, щенки позорные!

На стене ступевались – не было тех ратных в туровской земле, кто б не знал боярина Лисослава: слишком многих он лично учил делу ратному и водил под своим началом. Слишком многим он лично – вложил меч в руки на посвящении в этих краях.

Ворота заскрипели, медленно отворяясь, а Лис, так долго не вмешивающийся в конфликт, кляня себя за любопытство, лишь сухо кивнув виновато понурившимся «старшему» отроку, во-весь опор погнал коня вдоль улочек, туда, где стоял терем посадника.

Тяжелый гул многочисленных шагов приближался по коридору. Вех Будимирович пригладил длинные варяжские усы и сглотнул сухим горлом горькую набежавшую слюну. Ему уже доложили, что прибыл посол от Великого князя Киевского Мстислава Владимировича. Тяжела была длань среднего Владимировича – всех одолел в бранях, чести не попятнал. По-хорошему, Веху Ратиславичу, он – не господин и можно бы посла отослать, но с таким человеком как Мстислав – лучше не сориться.

Вех, ставленник еще Владимиров, служил верой и правдой, но кому нужны старые заслуги перед другими князьями, когда случается ТАКОЕ на Руси? Старый варяг вновь утерся рукавом дорогой шелковой рубашки расшитой серебряной канителью узоров – проклятая ткань не впитывала влагу, а только размазывала ее по лицу. С тоской подумал о серебряной фляге со сладким тмутараканским вином, висящим на спинки его резного кресла. Нельзя. Сейчас – нельзя. Не старость ли говорит в нем? В последнее время он все чаще стал прикладываться к вину, хотя ранее не терпел этот перебродивший сладенький сок ягод, предпочитая ему горечь ячменного пива. Старость не радость – он нынешней весной перевалил через отметку шести десятков лет, и уже не мог, как прежде, лихо запрыгивать на коня без стремян. Давно уже, пожалуй, не мог – у людей старшего поколения время идет по-другому. В молодости – чем-то занят, оглянуться не успел – месяц пробежал, а теперь – то же самое, но уже не месяц, а год.

Старый варяг тряхнул головой, отгоняя пустые, дешевые мысли – все тлен, все сомнения – прах. Здесь – все его. Им честно заработанное, им – добытое в бою. Этот терем, это кресло, это вино, эту дружину и место наместника – он заслужил! Сам, ничьей не подачкой – отвоевал, взял доблестью. Сизый сабельный шрам на загорелой лысине, след удара любимого арсия хузарского кагана, Альпара, он получил, когда нынешний князь киевский – еще в соплях путался! Боялся ли он того, кто девять дней подряд одного за другим, убивал девятерых прославленных воинов-русов? Нет! Только за честь свою боялся! Он помнил тот молниеносный выскерк сабли и помнил свой меч, что падающей звездой блеснул на фоне неба и погас глубоко в груди чужого богатыря. За честь всей рати русичей! А звездочка на челюсти? То дырка оставленная степной стрелой при обороне Киева от печенегов, когда грозный князь Владимир, разбитый с дружиной под Василевым, спешно собирал новую рать против кочевников – и как рубили потом печенегов под стенами?! Честью, славой, доблестью заслужил своего места. И пока он здесь владыка – никто его не испугает, никто не обвинит старого варяга в трусости!

Тяжелые, властные, выделяющиеся среди других шаги по коридору – о, да, это от великого князя. Только лицо, обличенное властью и уверенное в ней, может так нагло топтать по чужому терему. Кто это будет? Кого прислал князь, дабы выяснить все вопросы «на местах»? Посадник невольно оглянулся на Отгара. Громадина норег, вечной тенью саженого роста стоящий за его спиной, так же словно почувствовал угрозу, зверовато поводит мощными плечами, опираясь на свою громадную двуручную секиру. И надо ж такому страхолуду уродиться: почти все люди, что обладали схожим исполинским ростом – обычно были сухошавы и имели длинные, долговязые конечности. Только не этот! Этот словно состоял из горы мышц и жил, толстенных бычьих костей и почитался бы былинным богатырем, если бы не его уродство. Природа, верно, посмеялась, наделив его столь внушительными размерами, и сделав волосы, брови и бороду его белее снега, а глаза – мелкими, крысиными недобро выглядывающими из глубокий ям и тяжелых валунов надбровных дуг. Кроме того гигант был словоохотлив не больше чем немой от природы.

– Спокойнее, друг мой, спокойнее, – сказал посадник или ему, или себе.

Дверь со скрипом отворилась, и в палату ввалились сразу множество людей. Они не интересовали наместника, простые отроки из его дружины и его челядь, пусть им, его интересовал только один, которого он сразу же выделил среди всех – по мощной, почти осязаемой, тяжелой ауре звенящей силы. Тяжелый взгляд из-под кустистых бровей – прицельный, внимательный. Княжий человек был довольно высокого роста, но далеко не такого, чтоб казалось невероятным: даже при его нынешней дружине, отроках – и повыше были. Широкие плечи, узкая талия, длинные ухватистые грабки-руки – все, как и положено воину. Сердце старого витязя невольно дрогнуло и радостно затрепыхалось, когда посадник взгляделся в лицо пришедшего.

– Лис? – полуутвердительно спросил Вех. Поднял руку – челядь и дружина смолкла.

– Он самый. Приветствую тебя, славный Верхуслав Ростиславович, – в глазах вошедшего мелькнула теплая искорка. – Вот уж не ожидал тебя здесь. Прости за нескромность – какими судьбами? Ведь подле князя ж был? И где Боеслав Львович?

– Князь и прислал для наведения порядка здесь посадником, опосля гибели Боеслава.

– Гибели? Давно ж я не бывал в этих местах.

– Видать – давно. Черте что тут твориться, скажу. Будь гостем моим. Тебе будет оказана честь по заслугам – по-княжески, – не роняя себя, хотя в душе все ликовало, отвечив посадник.

Улыбка Лиса стала шире, но и он держал себя, не позволяя вот так вот, прилюдно, при челяди и дружинных, обнять старого друга за плечи, хотя не виделись они, пожалуй – лет пять-семь. За это время его пестун*¹⁴ сильно сдал, сединой эвон – весь волос в усах и на голове покрыт, но глаза блестели прежней яркой силой.

– Благодарствую, посадник.

– Батя! Они Гзашку связанного привели! – не утерпел, вмешался Окунь – отрок из тех, немногих, кому в его нынешней дружине перевалило за «шишнадцать».

– Так? – правая бровь, вопросительно изогнувшись, поползла вверх.

– Черт его знает, татя этого, – пожал плечами Лисослав. – Они первыми напали, не обесудь, ежели что.

– А ну покаж?!

Степняка приволокли в сей же час – спутанный по-рукам и ногам, в окровавленных тряпках, сейчас он совсем не выглядел грозно, но продолжал злобно скалиться.

– Вас всех убьет Зверь, – прохрипел он. От усилий подсохшие раны на разбитых губах вновь закровили. – За всеми придет, коль не подчинитесь. Вам, собакам – никогда не справиться с волками!

Посадник скривился.

– Все сказал? Вздернуть мерзавца. А опосля – башку долой: чтоб в упырину не перекинулся. С таким – это запросто. Раков кормить будешь вместо достойной могилы.

– Он может о многом поведать, – напомнил Лис на всякий случай.

– То, что он может поведать, боярин, я и сам могу тебе обсказать. Он со своим братом и шайкой на днях – перебили купеческий караван и семь моих отроков. Восьмого – иссеченного – отпустили с наказом нам все обсказать. Я б и остальным из его людей легкой смерти б не желал – всех бы на стенах повесил! Изверги и твари – сколотили банды из лихого люда да остатков разбитых ратей северян, и губят людей, как моровое поветрие. Зверопоклонники клятые!

– Зверопоклонники? – уточнил Лисослав, недопоняв – о таких он слышал впервые.

– Они самые. Клятые кровопивцы, с нечистью во главе – возомнили, что все земли местные – им принадлежат. Людей – либо в свою веру принимают, под свои обычаи – либо губят.

¹⁴ Пестун – в данном случае имеется в виду воинский учитель.

Посадник сурово сдвинул брови и обжог взглядом степняка. Тот еще упрямылся, силясь сказать что-то напоследок, но его уже никто не слушал – Оттар легко, как ребенку, завернул ему руки за спину и метнул тяжелым снарядом в руки уже ждущих отроков.

– С чем пожаловал, дорогой друг? – морщинки под глазами Веха расправились, а взгляд потеплел. – Ужель мне в помощь? А отчего тогда от Мстислава-князя, а не от нашего? Ужель обидел наш-то, да ты – отъехал с дружины?*15 Ни в жизнь не поверю!

– Мне бы поговорить с тобой с глазу на глаз, без иных, – улыбнулся Лис. – Дело не ждет – времени и так много прошло, а я все еще не в Турове. Слухи страшные о Комышелогe и его окрестностях. Своими глазами разбой видел на дороге, своей рукой татей – карал смертью. Не каждый день гинет столько народу в краткий срок!

Посадник сразу помрачнел, закусив длинный ус и задумавшись.

– Как угодно, – глухо ответил. Отвел глаза, будто виноват в чем-то перед десятником. – Изыйдите все, окромя Зояра.

На немой вопрос Лисослава глазами добавил: – Он-то все и поведает с изначального. Потому как начало бедствия – своими глазами видел. Я – токмо недавно о том и узнал – как приехал замест почившего Боеслава Львовича.

И поймав на себе удивленные и непонимающие взгляды дружины, прикрикнул, добавив в глас металла. – Вон! Не вашего ума дело тут!

Воины подчинились, дверь закрылась, оставив варяжского вождя и жреца наедине с гостем.

– Вопросай, что интересно. Как-то надо начинать, коли так. Попировать – потом попируем.

– Мне всегда интересно все – ты же знаешь? С самого начала. И, будь добр, не бойся меня утомить, Верхуслав Ратиславович – расскажи все без утайки. Я люблю вдумчивый сказ. Даже самые малые дела – не утаивай, потому как важно сие.

Обманчивая мягкость не подкупила старого воина – сейчас перед ним не был старый друг – сейчас перед ним богатырь Черномора, обличенный властью.

– Зояр – слыхал боярина? – посадник повернулся к оставшемуся жрецу.

– Слушай, коли так, – старик присел на лавку, огладил бороду.

– Так слушаю – чего там? Что там за Зверь у вас объявился?

– Знаешь ты его. Имя ему Вольг. Он сын новгородского сотника, Ратмира Владигоровича.

Помнишь еще такого?

Мгновение. Каких-то пару мгновений десятник думал что ослышался. Или – надеялся что ослышался. Но никто не засмеялся. «Им всем не до смеха.» – отметил он.

– Как так? – наконец подал голос. И тут же засопел недоверчиво. Легкое беспокойство покривило соколиные брови, изломав их кривой дугой словно шрамом. – Верно ли это? Вольг – мертв. О том – все знают! Да сам отец его о том горевал немало, хоть и не простил. То видел я сам. Может это какой другой Вольг? Не тот самый? Мало ли их, Вольгов тех...

– Был бы мертв – я о том и говорить бы не стал, – покачал седой головой жрец. – Я сам его видел. Своими глазами. И узнал его, а он – меня. Слушай боярин. Внимательно слушай, ибо многое, что услышишь – тебе может не понравиться так же, как не понравилось Верхуславу Ратиславовичу. А то и поболее, как богатырю Черномора.

¹⁵ Служилый боярин в данные времена и еще много веков далее – имел право уйти из дружины по своей воле, если его господин, так или иначе, нанес обиду своему воину. В конце концов, дружина – не зря так называлась, и была производной от слова друзья.

4 глава. О том, как Комышелог докатился до такой клятой жизни

«Следует остерегаться злоупотреблять милосердием».

Никколо Макиавелли.

В пересохшей глотке заклокотало утробное злое рычание, а рука крепко сомкнулась на рукояти тяжелого, прямого меча. Гибкой лаской он соскользнул с дерева и, таясь, пошел в сторону дороги. Он узнал обоих, последних в его списке, двух старых закадычных друзей, Торира и Боеслава. И плевать ему было на то, что они ехали с целой прорвой народа, а это почти наверняка сулило ему смерть. В его обстоятельствах – это больше радовало, чем огорчало, ибо после смерти этих, последних, уже незачем будет жить. А он уж позаботиться чтобы эти двое – не ушли дальше этой небольшой прогалины перед дорогой.

Ножны меча, ненужной более ветошью полетели в траву на обочине, он вышел на встречу едущим с уже обнаженным мечом: страшный, заросший черными космами и бородищей, больше похожий на зверя, которого зачем-то обрядили в кольчугу, чем на человека. Кони под врагами неистово взвились на дыбы, молотя копытами в воздухе – о, да, они чуяли страшного хищника, не то, что глупые неразумные двуногие твари, так часто не видящие опасности даже у себя перед носом. Впрочем, он знал – узнав его, ни Торир, ни Боеслав никогда б не стали б его стаптывать конями или засыпать стрелами – слишком многое меж ними было в прошлом, чтобы не дать себе насытиться вражьей кровью, стекающей с меча.

– Кто таков? С чем пожаловал? – спросил один из передних всадников, справившийся с конем раньше других. Крепкий старик с длинной седой бородой, с оберегами Велеса на груди и тяжелом посохе.

– Это не твое дело, жрец, – задушливым замогильным шепотом ответил пришедший. – Я не за тобой пришел. Верно, Торир Хальфдансон и Боеслав Якимович?

– Вольг? – Боеслав удивленно сморгнул, но тут же справился с собой и процедил с надменной, брезгливой улыбкой. – Вольг-перевертыш! Проклятый. Предатель и негодяй. Так ты еще жив, падаль?

– Не твоими молитвами, но на вашу беду, – прошипел Вольг ядовито. – Есть у нас одно незавершенное дельце, старые друзья.

– Фенрирова плоть, – сплюнул норег и первым спрыгнул с седла, вытягивая меч.

– Ты даже не представляешь дан, как ты близок к истине! – прорвалось почти звериным рыком. Сдержался, успокаивая себя.

– Боеслав, Торир! А ну не смей! – прикрикнул жрец на набычившихся гридней. – Нет у нас времени на глупости!

– Ты мне не указ, жрец! – процедил Боеслав. – Здесь, по воле князя Брячислава ,я главный.

– На такое – у нас всегда время найдется, – пролаял в поддержку по северному норег, разминая кисть правой, оружной руки. – Никому не вмешиваться! То – личное.

Боеслав последовал его примеру. Суровая, холодная улыбка растягивала его губы.

– Сам вышел к нам, – хмыкнул Торир.

– Не уйти нам с тобой друг от друга, как видится, – Боеслав тоже обнажил меч. – Видать, на роду так написано.

– После всей той погани последних ратей ты ждал чего-то другого? – взъярился Вольг. Звериное рычание вновь заклокотало в глотке, лицо словно вытянулось, а мышцы плеч вздулись стальным бугром.

– Нечисть, – сплюнул ему под ноги Торир. – Трижды клятое, волкоголовое отродье Хати и Сколя*¹⁶. Давай, яви свою истинную личину, тварь. Я вырежу на твоей спине красного орла, после того как обрублю тебе руки и ноги.

Вольг мгновенно совладал со вспышкой, Зверь вновь улегся спать где-то глубоко внутри.

– Еще чего, – прошептал он. – О таких как вы, предателях, я клыков не пачкаю – достаточно просто меча.

Краем глаза он следил за перемещениями остальных воинов и людей отряда. Поняв, что драки не избежать и Вольгу не объехать, оставшиеся дружинники тоже спешили, образуя небольшой полукруг. Отрок, самый молодой, попытался обскákat кругом по лесу, но тут же наткнулся на ветвь и с шумом сверзился с седла задом в лужу, матерясь с досады.

– Досадно, что мы не встретились тогда, в битве на Буге – это было бы достойно висы, – Торир стал медленно обходить Вольгу сбоку, на ходу вынимая из-за пояса, топорик в левую руку. – А теперь, в каких-то дратых дебрях. Измельчал ты, Вольг – совсем почти пропал.

– Сзади! – лицо Боеслава вытянулось от гнева и негодования и Вольг мгновенно понял, что это не пустое – храбрый гридь придерживался старых традиций, и никогда б не опустился до обмана даже в мести ненавистному врагу. Вольг вихрем крутнулся на месте и удар, нацеленный на его загривок, упал на лоб. Это клятый отрок, обойдя место мести и презрев ее священное право, атаковал сзади, со спины. В голове полыхнуло черное солнце, все вокруг, лес, небо, люди, задержались, запрыгали словно в предсмертной агонии – полуослепший от огненной боли он, с того же оборота, полоснул длинной атакой поперек пояса отроку. Страшный, звенящий крик боли молодого, полного сил и еще не верящего в свою смерть парня, понесся эхом по лесным дебрям, пугая и поднимая на крыло целые стаи ворон.

Огненная ярость от низкого коварства, погнала вперед: Вольг бросился в последний смертный бой с отчаянным боевым рыком. Его злой напор потеснил Боеслава, отбросил в лес. Сбоку мелькнуло: мгновенно повернувшись на пятках, Вольг шуйцей поймал на лету топорик. И, с двух рук, принял атаку догнавшего их Торира. Могучий норег обрушил длинный меч с силой, способной развалить от плеча до пояса. Он всегда был сильнее, этот клятый гость севера, но он бил одной рукой, а Вольг принял клинок с двух рук – мечом и топориком. Отбив норегский клинок, черноволосый бешено рванулся вперед – получай, пес! Норег не проронил ни звука, лишь вздрогнул всем могучим телом, когда чужая сталь, отбив клинок, крепкохватила его плоти.

Стремительная атака Боеслава не дала доделать начатое – гридень оттеснил врага от раненного друга. Два смертных врага закружились вихрем смертоносной стали, сшиблись со звоном и вновь разошлись. Кровь заливала лицо Вольга, широкой лентой текла под ворот кольчуги. Чутье опытного воина подсказывало, что нужно спешить, Боеслав мог себе позволить так вот кружить бесконечно, а его самого скоро будет шатать от потери крови, и никакая ярость уже не спасет. Длинный меч сверкнул сверху и упал, целя в пальцы, держащие меч. Попади – и бой закончен, Вольг легко добьет беспомощного, но витязь не купился, легко отбив удар. Лицо бывшего друга – маска сосредоточенной, холодной ненависти – его собственное зеркальное*¹⁷ отражение.

Вновь сошлись – лязгнул металл, на сей раз Вольг не отпустил, навалившись уже всерьез, сыпля ударами, и киевлянину пришлось призвать все свое мастерство, чтобы тут же не отправиться к праотцам. Враг мечом плел замысловатую сеть из ударов, практически одновременно,

¹⁶ Хати и Сколь – по древнескандинавским преданиям – два гигантских волка-варга, сыновья Фенрира (того самого, которому суждено устроить Рагнарек, убив Одина в последней битве). Хати ночью гонится за луной, а Холь, днем – за солнечной колесницей Арвака и Альсвида, которая тянет солнце. Первый пытается съесть луну, второй – уже солнце. По приданию – они в этом должны преуспеть. Тогда в полной Тьме, приплывет Нагльфар (корабль из ногтей мертвецов) и настанет время Рагнарека.

¹⁷ Зерцало – здесь, в это время – именно что зеркало, не род доспехов. До зеркальных доспехов – еще более 4 веков.

в одно движение полосуюя в горло, в глаза, в колено, по рукам. Вольг наседал, не разрывая суровой музыки поединка из лязга стали. Укол, рубящий по ногам, колющий в горло – размытая молния меча жаждала крови. В блеске воспаленных глаз на окровавленном лице – только обещание скорой смерти. Холодная мертвая улыбка жгла душу – Боеслав чувал, что долго так не выдержит, а Торир все не шел на помощь. Такого ярого темпа в поединках всегда хватало на пару минут, от силы – на пять. Затем мышцы наливаются тяжестью, и меч становится все тяжелее, а там недолго и о пощаде просить. У них меж собой – никакого великодушия быть не могло. Верхний быстрый удар по нисходящей, отбит сильной стороной клинка, отработанный вращательный удар кистью, в атакующую руку, туда, где заканчивается кольчуга – клятый оборотень не дремлет! Не хочешь в руку? Принимай в ногу, хищный, подлый предатель – да пропади ж она твоя звериная сноровка и нечеловеческая реакция!

Вольг словно дрался со своим отражением. Улучив момент, он метнул топорик, Боеслав хищно пригнулся, но тот летел не в него – он с хрупов ударил в широкую, обтянутую кольчужной сеткой грудь норега – как раз напротив сердца. Тяжко раненный в шею и истекающий кровью северянин не успел отбить удар, какой в пору дренгам отбить, не то, что хускарлу. Могучие руки слушались уже не так. Хрипло клопоча кровью, идущей изо рта, по-бычьи пуча глаза, гигант грузно повалился придорожную пыль.

За успех пришлось заплатить – меч Боеслава гремучей гадюкой цапнул в бедро, с лязгом прокусив кольчугу. Распрямившись, новгородец отступил на пару шагов.

– Тварь, – пророкотал он, глянув в сторону содрогающегося в последних корчах тела Торира. – Не жди пощады.

Вольга повело, а верный меч, ни разу не подводивший, надежный, теперь весил в десять раз больше обычного. Вспышка гнева прогорела, на душе осталось пусто, холодно и тоскливо, а Зверь – не приходил на помощь, ровно изгаляясь. Новгородец не глядя понял, что новая рана – серьезная, и он вот-вот падет, а Боеслав, плюнув на распростертое тело, с холодной ненавистью наступит ему на хребет и перерубит глотку, разом мстя за всех тех, кто пал от его руки. А его личная месть самому Боеславу – так и останется незавершенной.

– Твой сын был размазней, Боеслав, – прохрипел он. – Он визжал как свинья на бойне, когда печенег драла шкуру с него с живого.

На самом деле все было не так, и Воислав пал в бою, но сейчас вражине это знать было незачем. Дрогнув, раненным зверем киевлянин прыгнул вперед, чтобы вбить бывшего друга в землю, вколотить ядовитые слова в его хриплую, ненавистную глотку. Слабый Вольг уже не мог отпрыгнуть барсом как ранее, лишь сместился чуть в сторону, но таким матерого гридня Боеслава не обманешь и потому, удар со всего плеча раскаленного ненавистью клинка, раненный все же принял на грудь – в стороны водопадом брызнули разрубленные кольца кольчуги... Но верный меч стремительно свистнул в последний раз – Вольг вложил в удар всю оставшуюся силу, срубив киевлянина страшным ударом, швырнув в истоптанную, забрызганную кровью траву к своим ногам. Он еще постоял на непослушных, гнущихся ногах, полуслепо таращась на корчащегося в мучительной судороге бывшего друга, а затем его повело и Вольг, неуклюже ступив шаг-другой, ударился спиной о ствол березы. Замер в попытке устоять, но ноги подкопились окончательно, и он сполз по дереву, оставляя кровавый след. Видя все еще живые глаза бывшего друга, он с усилием прошептал:

– Воислав не был замучен печенегами. Славно пал в бою. Я не вы – я бы не позволил пытать сына друга, хоть и бывшего. А вы позволили меня – в жертву...

– Мы не позволяли, – еле слышным был ответ, но чуткое ухо волкоголового уловило. – Князь – велел о том, а мы – не ведали. Не было предательства с нашей стороны.

Кровь перестала пузыриться на губах сраженного киевлянина – он сам закрыл глаза и тихо умер.

– Клятый Нелюдь, тварь!

Не смея вмешиваться в сам бой, отроки десятка с копьями шли к замершему в бессилии, израненному, но все еще живому Вольгу. Даже сейчас никто не хватался за нож, коим в пору было дорезать обессиленного врага – никто не хотел подступать так близко к волкоголовому. Сколько крови вытекло с него?! А все шевелиться вон: не желает нечисть уходить за Кромку, коли вырвалась, цепляется за жизнь и слабое человеческое тело. Вон и рука вторая медленно поползла к рукояти меча, присохшей к деснице, да достанет ли сил теперь поднять его даже обеими?

– Стоять! – рявкнул жрец, когда уже занесли копьё молодцы над беспомощным. – Кто посмеет сейчас убить поверженного – прокляну мужским бессилием до конца дней!

Замерли воины.

– Он десятского убил. И Виги.

– Виги сам на него напал, хоть дядька о том не просил племянника. Прочь!

И видя, что его слушать не торопятся, повысил голос: – Прочь! В сторону! Пустите меня к нему.

– Зачем, Зояр?

– Прочь, я сказал!

Недовольно ворча, отроки расступились, а жрец склонился над Вольгом.

Ярые очи поверженного остро сверкнули холодным на нового врага, пальцы судорожно дернулись на рукояти, однако очередное усилие оказалось слишком тяжелым и его глаза на миг заволокло пеленой, едва не погаснув окончательно. Вольг понял, что защититься уже никак и ничем не может, сил оставалось разве что ощерить зубы, как погибающему волку. Не роняя, слов попусту, жрец сделал то, для чего и остановил обозленных отроков. Тяжелый серебряный медальон с искусно выбитым Георгием Победоносцем, с одной стороны, и старым родовым символом Рюрика на другой, тяжело повис на толстой цепи через шею раненого. Какое-то время жрец наблюдал за медальоном, потом кивнул, словно удостоверился в каком-то преступлении, о котором подозревал с самого начала.

– Не может быть! – охнул один из ближних отроков. – Наваждение! Он тоже? Вот этот вот? Проклятый? Враг человеческий?

– Давай просто добьем его, Зояр – незачем нам такие защитники, – поддержал другой. – Он и выживет-то вряд ли – вон как порубан. Не сегодня, так завтра – сдохнет.

– Туда ему и дорога! – добавил кто-то. – Черти в Аду, поди, заждались дружка своего.

– Пути Богов смертным неясны, – назидательно ответил жрец. – Не смей вредить! Грузите в мою повозку. Пора отправляться.

5 глава. О том, как одно клятое решение может стать бедой множеству людей

«В лето 6533 от сотворения мира в месяц червень шестого дня, град Комышелог – яз, служилый боярин из невиликих, Лисослав Велимович, впервые за жизнь свою, возжелал предать лютой смерти жреца Волоха, сиречь человека Божия, пусть и не моего верования, за дела его грешные и помыслы глупые. Да простит меня всепрощающий в любви своей Господь за мысли мои грешные и страшные. Со Зверем сиим, все непросто оказалось, пото как не человек он есмь. Спаси и сохрани, мя грешного, Господи, и убереги душу невинную дщери моей, Забавы Лисославовны, от опасностей и дьяволова искуса.»

Написано рукой боярина Лисослава Велимовича.

– Зачем?! – Лис заскрипел зубами. Более всего сейчас он походил на хищного зверя перед прыжком на свою трапезу.

– Пути Богов неисповедимы, – развел руками Зояр. Если жрец и боялся, то виду не подал. – Однако ты не дослушал.

– Я услышал самое важное. Ты спас душегуба. Не просто душегуба – коварного, злобного предателя. От которого, в свое время – даже отец его отрекся. Спас на погибель людям. И мне – на горе.

– Мы ведаем о том, что когда-то, он желал быть тебе зятем, – поджал губы Зояр.

– Не просто желал, а был! То было давно, – оборвал его боярин. – Еще до того паскудства, которое устроили князья, и в котором он с удовольствием участвовал в самых грязных делах. Был душегубом – душегубом и остался: я не знал Торира, но Воислава – сам учил. Он был твоим и моим другом. Добрый был витязь и товарищ в бою. Зачем ты пощадил его убийцу, жрец?

– Не простой то душегуб, Лис. Не простой...

Телега, на которой лежал раненый, вздрогнула и заходила ходуном, словно живая. Чудовищной силы рев, от которого, казалось, ночь раскололась пополам, поднял весь стан на ноги. Громадное черное нечто, перевернув повозку, метнулось в сторону леса, снося малые деревца на пути как солому – долгий, тоскливый вой всколыхнул прохладный ночной воздух.

– Стой! – прокричал Зояр. – Куда? Я тебе жизнь подарил.

Мгновение-другое казалось глупостью ждать, что существо остановится или, тем более, ответит, но бордово-красные уголья глаз, вспыхнувшие бликами костров из чернильной темноты леса, дали понять, что чудовище не ушло.

– Ты подарил жизнь никчемному Вольгу. А я – Зверь, – от чудовищного, искаженного голоса твари, нелепой насмешки над настоящим человеческим, лошади отряда с неистовым ржанием, взвились на дыбы, молотя копытами воздух, и умчались бы, куда глаза глядят – насилие удалось удержать.

– Кто ты, Зверь? – поджав губы, вступил в спор жрец. – Как смеешь забирать тело и душу, что тебе не принадлежит?

– Он теперь весь мой! Я – Зверь Фенрира, и здесь – все мое. И все – мои, – было ответом. – Ты спас слабака Вольга – отвечу тем же. Один раз – я тебя не убью, жрец. Только один раз.

– Ты глупец, Зверь! – Зояр, казалось, пытался увещевать. – Это не твоя земля – у нее уже есть хозяин. Куда ты денешься? Тебя выследят и убьют, как собаку. Тебя выбрал оберег – останься с нами, на нашей стороне: за мужество в сражениях – тебе простят твои грехи.

– У этой земли теперь новый хозяин, – было ответом. – Дурак – не понимаешь! Скоро узнаете. И, либо склоните голову, либо вас не будет.

– А что будет?

– Стая будет. Кто сам придет Стаю – сам будет всем владеть, без князей и бояр. Стая их всех – выследит и убьет.

– Это тебя выследят и убьют, глупец!

– Шавки Света всегда идут попятам. Это – хорошо, не надо будет отслеживать каждого. Посмотрим, жрец, чья сила. Я все сказал.

Треск сучьев и кустов стал отдаляться, а потом лес содрогнулся от низкого, тяжелого воя твари, возвещающей о своих правах на него.

– Клятая твоя глупость, – кулаки боярина непроизвольно сжались, он не отрывал взгляд от Зояра. Вольг, клятый Вольг, нелюбимый сынок Ратмира – вот где клятая Судьба, лживая сука – решила подшутить? Так вот о чем говорил призрак? Вот где всплыло прошлое: умершее много лет назад, внезапно оказавшееся живым! И договор с клятым Ратмиром, помолвка детей, смотрины. Расторгнутая с его стороны, после клятой войны князей с ее подлостями, ужасами и гибелью жениха. – Выживший ты из ума, клятый старик!

– Не забывайся, богатырь, – посуровел жрец. – Я такого не потерплю.

– Чтоб тебя черти в аду драли! Плевать на твои обиды, – рыкнул на него десятник. Пальцы сами собой до хруста сжались в тяжелые кулаки.

– Лис, – полу просительно пророкотал Вех. – Уйми гнев. Дело прошлого – уже не исправить.

Лис скрипнул зубами. Перед глазами плыло. Ему пришлось трижды глубоко вздохнуть и выдохнуть, чтобы хоть немного унять свой гнев. – Это ведь я и мои парни участвовали в том бою, где дружину Вольга – посекали и уничтожили. Ты ведь ведаешь? А теперь – ублюдок жив-здоров, да еще и богатырь Черномора?!

– Нет. Все не так.

– А как – так? – вновь надвинулся на него десятник. – То мои парни жгли их клятое гнездо! Я сам сек его побратимов нещадно! За их паскудства и подлости.

– Помню, – тяжело кивнул посадник.

– Его самого и нескольких наиглавнейших с ним, запершихся в тереме – сожгли живьем. Это ведаешь, жрец?

– Ведаю.

– Значит враг он мой смертный. Понимаешь? Такое – не забывают. И мстить он будет люто. Всеми способами. Понимаешь?

– Он был уверен, что ты сгинул в бою, – припомнил Зояр. – Я с ним немного говаривал, пока он лежал слабым в телеге. Он говорил, что теперь ему незачем жить – все его враги мертвы, как и друзья. Многие были уверены что ты сгинул под Лиственном.

На краткое мгновение Лис ввяе перед внутреннем зрением вновь увидел гигантский, в тысячу голов, наступающий еж чужой рати, ошетилившийся лесом копий, слепящий разномастными пестрыми красками щитов с руническими оберегами и намалеванными мордами злобных ледяных тварей. Знали, что так будет, знали, что ударят именно по ним, стоящим в центре, но ровная линия сомкнувшихся краями щитов, боевой рев сотен мощных, луженных, навечно охрипших от ледяных морских ветров глоток, с похвальным постоянством холодила душу всем и всегда. То был вызов на смертный бой! Смертоносная, несокрушимая волна – северная рать Ярослава, отборный полк из норогов, датчан, шведов и халоголандцев! Новгородский князь знал, что его хирд в ближнем бою не остановить и не стал мудрствовать под Лиственном: ударил крепкими, мускулистыми руками своих северян, как и раньше, в центр чужой рати. Такой маневр уже не раз приносил ему победу – даже в бою против печенегов. Огромного роста бородатые здоровяки в переднем ряду, все как один, в шлемах с круглыми наглазьями, надвигались на них, потрепанных предыдущими схватками с новгородским ополчением – это была роковая ошибка и беда Хромого! Только им, черниговцам, туровцам, путивльцам, северцам, полочанам и прочим – оттого было не легче. Тучи стрел летели туда

и обратно – на северян это не производило впечатления: лишь их «стена» обрастали пернатой щетиной, а они громко хохотали пред ликом Смерти, подшучивали и подзуживали из-за щитов. Чужой свежий строй, построенный клином, дружно взревев, тяжелым железноголовым кабаном врубился в их ряды, желая утопить всех собравшихся врагов в их собственной крови, отрубленных конечностях и вывороченных внутренностях. Сосед перед ним, получил сокрушительный удар норегской двуручной секирой, от которой не спас щит: его хлипкий кожаный шлем, в фонтане крови и розового мозга, развалился, так что одна половина головы упала на правое плечо, а вторая – на левое. И уже совсем рядом оказались, почуявшие кровь и издевательски хрюкающие светло- и рыже-бородые лица, а прямо перед ним – здоровенный норег в украшенном золотой насечкой дорогушем шлеме. Его мужественно красивое лицо, было обращено к нему, Лису: из синих глаз в душу смотрела Смерть, а губы, обрамленные заплетенными в косички светлыми усами и широкой, украшенной золотыми кольцами, бородой, кривила презрительная усмешка. Норег подтягивал свое страшное оружие для очередного удара, который должен был повергнуть уже его, туровского боярина – в эту-то ухмылку и ударил старый витязь обломком сохранившегося у него копья, пробив рот, дробя ровные зубы, разрывая глумливую глотку! А потом пришла откуда-то сбоку другая секира – грянула камнепадом в крепкий шлем, и весь мир затопил мрак. И он уже не видел, как обошла северную рать конница Мстислава, как засверкали за спинами наступающих кривые сабли касогов, хазар и аланов. Как, ударив тяжкими копьями, смяла дружина тьмутараканского князя новгородскую невеликую числом конницу и ударила с другого фланга – и началось невиданное избиение еще ничего не понимающих, только что побеждавших новгородцев. Как нехотя, не веря в происходящее, стала пятиться и рать северян, смоловшая к тому моменту половину головного полка Мстиславовой рати. Он был предводителем полусотни туровцев, пожелавших встать под стяг Мстиславов в том бою – все видели как он пал, все знали, что единожды попавшая датская секира – смертоносна, да ведь это ж попавшая! Удар был неточным, и потому, трое уцелевших в страшной бойне туровца, вытащили оглушенного, измятого, окровавленного, но живого боярина из под груды тел. Вот это – видели далеко не все.

Молчание затягивалось. Десятник неприязненно опалил жреца взглядом, но тот встретил его спокойным, чуть печальным выражением лица.

– Мне жаль, боярин. Правда, жаль. Но я никто пред ликом богов и их решений.

– Да провались ты, с ними со всеми, – зло процедил Лисослав.

– Лис, – вновь полу просительно обратился к нему Вех. – Не надо. Это ничего не меняет.

– Сколько людей Зверь загубил после того?

В ожидании ответа Лисослав нервно прикусил губу, вместо привычного уса, сдерживая рвущиеся на свободу слова. Не рассчитав, сгоряча, прикусил до крови – во рту стало солоно. Необходимо взять себя в руки, он не отрок какой бесшабашный, а большой боярин туровской земли!

– Множество, – все же, отвечивал посадник, настороженно поглядывая на боярина – как бы не выкинул чего.

– Кровь их на твоих руках, – обвинительный перст десятника указал на жреца.

– Нам не ведомы замыслы богов, – почти спокойно напомнил Зояр.

– Заткни пасть, жрец!

– Боярин, – устало напомнил старый друг.

– Прости Вех. От сердца прости. Но не могу я принять такой глупости. Как давно то было?

– То было пять седмиц назад, – добавил к сказанному Верхуслав Ратиславович. – Теперь же – повадился на дорогах тати промышлять – в звериных шкурах все. Нападают на люд торговый, на путников – отбирают еству, иных губят. Зовут себя последователями Зверя. Но это полбеда – есть и страшнее беда: поселилась у городца стая волколаков – вот те рвут обозы

и людишек в окрестных землях до смерти, со скотиной. Смертным поедом рвут. А опосля Стаи той – в деревне только поднятые мертвяки стоном стонут по крови человеческой. Видать и волох у них есть, аль шептунья, тайными знаниями владеющая.

– Сами видели?

– Отроки видели. А как по следу волколаков ратных пускать – пропадают бесследно зверье! И содееть с тем, непонятно что можно.

– Многих порвали ратных? – глухо уточнил Лис. Сейчас он плохо владел своими мыслями – в них он уже вскочил на коня, схватил всех заводных и поскакал в сторону Турова. Без отдыха и без остановки. Покудова не доберется до дочери.

– Ратных – не много, – покачал головой Вех. Подозрительно склонился ближе. – Ты здесь, брат-боярин?

– Прости ради Христа, – выдохнул сквозь зубы десятник. – А простого люда сколько волколаки порвали?

Лицо посадника помрачнело, он в раздражении протарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Множество. Сколько сгнуло из других городцов, что шли к нам – то мне неведомо. А с нашего, да весей ближних – близ четырех дюжин людишек порвали насмерть. Со скотиной и прочим.

– Теперь – эти поселки – земля, принадлежащая Кромке, – добавил жрец.

– Клятское словоблудие. Их же надо скорее чистить от скверны – пока поднятые не разбежались, и не понаделали дел! – боярин, стиснул голову могучими руками, присел на лавку. – Где дружина, что в граде была? Где бояре? На стенах – только отроков глупых видал. Мужей – не видывал даже над ними!

– Нет никого из гридни и бояр, – глухо отозвался старый приятель, усевшись рядом. – Посадник, в Турове, опасаясь поганых*¹⁸ всех под знамено свое собирает. В обход воли князя Брячислава, что своего слова на то не давал.

– Что-о? – изумился боярин. – Как такое может быть?

– Сам знаешь, – пожал плечами Верхуслав. – Воля полоцких князей тут слаба, оружной рукой – не подкрепленная. Как Святополк отдал богу душу – так и нет крепкой власти в туровских землях. Только тысяцкие да посадники. Да местные бояре и племенные вожди, непонятно кому преданные.

– Так в Турове сидит Гюрята Давыдович? Он всем сердцем предан Брячиславу?

– Сидел, – развел руками старый воин. – Уже седмицу как убит, при весьма загадочных обстоятельствах. Токмо тысяцкий там и остался – теперь вместо посадника. С болот неспокойно, клятые идолопоклонники сбиваются в ватаги – что-то назревает. Народ волнуется – вот он гридь да бояр – поближе к себе и собирает. Стольный град сиих земель – удержать. А на остальные градцы и веси – хер положил. Потому-то настоящих ратных в Комышелогe посеи час – ты да я, да Отгар. Больше – николе.

– Я к тебе там гридь немчинскую привел, – глухо возразил боярин, обдумывая услышанное. – Крепкие мужи – сам видел в бою. Так и не сказывали, правда, покудова, чего надоть тут. Мож с ними попробуешь? Мне в Туров надо – сам понимаешь. Сейчас – еще больше чем ранее.

Он постучал твердым ногтем по серебряному диску, висящему у него на груди.

– А мы как же? – насупился старый друг. – Нас – на растерзание Кромки и болотникам? Так, богатырь Черномора?

– Что такое говоришь, Верхуслав Ратиславович? – в тон ему возмутился Лис. – Стены – крепкие, хоть и старые. Никто сей градец взять не сможет. За такими стенами и полсотни отроков – с любым врагом сладят, ежели только не большая орда.

¹⁸ Поганые – так называли язычников.

– А ежель орда болотная придет? – не сдался посадник. – Да еще и с нежитью? Им и сговариваться не нужно – почитай все там родичи друг дружке.

– Ежель орда придет – то и я не смогу помочь, – отмахнул рукой боярин. – Все ляжем, коль дружина с Полоцка не приспеет. Только мне теперь умирать нельзя, покудова дщерь не оборону. Ехать мне надо, понимаешь?

– Не бреди душу свою, боярин, – посадник приобнял за крутые плечи Лисослава. – Понимаю, но и ты меня пойми и услышь – ничего твоим сейчас не грозит. Там же, в Турове сейчас – тьма-тьмущая ратных?! Кто туда сунется? Вольгу столько людишек – и не собрать, поди. Нам крепкий муж нужен не в пример поболее сейчас чем в Турове. Как я на волколаков – и с соплястыми отроками? Они такого ворога, в жизни не видывали.

– Пути богов смертным непонятны, богатырь, – пророкотал Зояр. – А ты – богатырь Черномора. Тебе против нечистого само провидение сюда привело.

Боярин злобно зыркнул на говорящего.

– Молчи, жрец. Ты – лучше помалкивай, покудова не спросят.

Зояр кивнул и ушел в мрачную тень угла.

– Его не слухай, – Верхулав махнул на жреца рукой, – ... мне помощи! Не сдюжим ведь супротив растущей силы Зверя. Тут ведь тоже людей немало живет. И все – с семьями и детьми.

– А ну как он в Туров рванет?

– Он не там – тут обосновался, – повысил голос Вех – его глаза метнули молнии, и только тут боярин заметил как старый друг измучен и спал с лица. Тот, словно устыдившись своей вспышки, тут же смягчился.

– Помоги, Лис! Потеряет ныне полоцкий князь и сей град – нежить опосля выколупывать отсель ой, как долго придется! Кроваво и долго.

– Что-то мне нехорошо, – признался Лис. – В голове ровно набат бьет. Мне надо подумать. Хоть до завтраго.

– А ты посиди тут, посиди, – посадник дружески стиснул плечи. – Подыши да успокойся. А я пока послушаю немцев – чего они тут?

– Волколака ко мне пусти токмо.

– Эт еще нахрена? – удивился Вех. – Сроду не видывал, чтоб ты с такой сволотой дружбу водил.

– Он тоже богатырь Черномора, – устало ответил десятник. И пожал плечами на вопрошительный взгляд посадника.

Верхулав Ратиславович скривился, словно куснул чего кислого, но спорить не стал.

К посаднику впустили рыцарей: всего двоих и разоруженных.

– Ну? – недружелюбно бросил посадник вошедшим. – С чем пожаловали?

Немцев недолюбливал Вех давно: с самой памятной битвы под Бугом, когда лучшую часть добычи на правом крыле рати, взятой с разгромленного северного войска Ярослава, Болеслав и Святополк отдали немцам. Хотя его, Верхулава Ратиславовича, дружина здесь столкнулась с норегским хирдом и, проламывая стену щитов и копий, для своих, идущих следом – понесла значительные потери. Оттар, набычившийся у него за спиной – не любил немцев еще более – с той же битвы, правда по другой причине: как раз его десяток попал под копыта рыцарской конницы, и уцелел лишь чудом только сам Оттар.

– Я принял на себя рыцарский обет, и только в этих землях – могу его исполнить, – Рудольф фон Оуштоф набожно перекрестился. – Беды для моего рода начались здесь. Здесь мне следует их и закончить.

– И какая ж такая беда? – уточнил с подозрением посадник. – Не перекинется ль та беда на наш град?

– Это беда личная, – заверил знатного русса немец. – Она касается только меня и только моей семьи.

– Ну, чтож, – решил Вех. – Тогда говори, коли пришел.

– Я хочу заручиться поддержкой хозяина местных земель и организовать с божьей помощью в этих землях орден.

– Чего-о? Что это – орден? – не понял посадник.

– Это сообщество людей, объединенных одной целью.

– И какая же это цель така?

– Служить людям.

– Ишь, ты, – подивился Вех.

– Мой орден будет нещадно бороться с порождениями Тьмы в этих землях, охраняя людей. Я и мои люди, как те, что со мной есть, так и те, которые, смею надеяться, присоединятся к нам в этих землях – будем нещадно грызть посланцев Тьмы и преследовать, где бы они не прятались.

– Вот оно как? – произнес Верхуслав после некоторого раздумья. – То есть ты и твои люди желают пойти под мою руку? Верно, понимаю?

– Это было бы честью, но у нас другие цели, – вежливо отказал немец.

– Погоди-погоди. Было сказано «Я хочу заручиться поддержкой хозяина местных земель...», то есть князя нашего Брячислава полоцкого, а значит – меня, как его руки, здесь поставленного от его имени. А значит – в гридь, под мою руку. Аль в наймиты. По другому и не было никогда.

– А как союзник? – вновь вежливо улыбнулся фон Оуштоф. – Если доблестный барон Комышелоба позволит – мы бы купили в городе или близ его землю, где можем построить замок – там будет жить наш орден. И наши мечи – послужат общему делу...

– Гривен – не дам, – пророкотал посадник на всякий случай, посуровев бровями.

– В этом нет необходимости, – заверил рыцарь. – Все расходы мы берем на себя. Уверяю тебя, доблестный барон Верхуслав – единственная наша цель – борьба с порождениями Тьмы. Мы будем, под знаменем нового ордена, изничтожать нежить в окрестностях города на благо людей и этих земель. Мы готовы пойти в бой с самыми лютыми порождениями Ада!

Он махнул рукой, и старый Удо, вытащил из сумы полотно, поделенное на четыре квадрата – черные и белые. На черных – были белые кресты, на белых – искусно вышитые черные собачьи морды.

– Коли на то будет такое разрешение и воля, – торжественно объявил фон Оуштоф, – ... я желал бы создать орден Псов Господних, барон. Хоть нас сейчас всего пятеро, но ведь это только начало. Двое ранены в бою с некими последователями Зверя...

– Им будет оказана помощь лекарей с нашей стороны.

– Премного благодарен, – чуть поклонился фон Оуштоф. – Пусть вас это не смущает – каждый из нас, испытанный рыцарь, стоящий нескольких в бою. Каждый дал обет – послужить мечом и крестом против нежити, во славу господина нашего, Иисуса Христа.

– Похвально и своевременно, – оценил посадник. – Токмо у нас уже есть, выходит, такие, как говорите.

Он кивнул на Лисослава – волколака глава городца не удостоил своим вниманием. Боярин молчал, глубоко погруженный в свои думы, пока волколак не ткнул его локтем, заставив встрепенуться.

– Мне ведомо о них, – улыбнулся рыцарь. – Но разве мы можем помешать друг другу, в желании бороться с Тьмой? Или это как-то будет вредить кому-то?

– Вряд ли, друг мой, – кивнул Лисослав и встал со скамьи. – Однако ж вынужден предупредить: предателей или тайных врагов, вредящих делу Черномора и богатырей – будем убивать нещадно.

– Что имеешь ввиду, добрый гер? – не понял немец. – Как наш орден может пойти на такое?

– Скажу проще, – кивнул боярин, – ...мне нет дела до вашего неприятия к поганым и прочим нехристям, пусть то махамедского ли, иудейского ли толка, кои у вас, людей из неметчины – иногда в избытке имеются. Их на этих землях – бить нельзя, коли они не служат Тьме. Вообще тех, кто не служит Тьме, будь то ведьма, или, скажем, волколак – бить нельзя. С этим – ясно?

Рыцарь нахмурил брови, обдумывая услышанное.

– Не могу сказать, что со всем этим согласен, добрый сэ, – ответил он. – Вы ведь назвали созданий Тьмы – и с ними все ясно. Единственная возможность привести их к Свету – язык меча, о котором мы с вами так недавно говорили.

Лис спиной почувствовал, как позади него забеспокоился Лесобор, прислушиваясь к разговору.

– Ясно, – боярин улыбнулся. – Ясно, что за защитнички могут получиться под боком. Лис покачал головой. – С такими защитничками, подчас и врагов не надо – такого могут наворотить в наших землях.

– Поясните свои слова, гер, – голос рыцаря подернулся ледком.

– А что тут непонятного? – прищурился десятник. – Будете рубить тех, кто хоть капелюшечку для вас рожей не вышел? Так понимаю?

– А как иначе? – не понял фон Оуштоф. – Только так и можно спасти людей.

– А скажи-ка мне мил человек – как так вышло, что тебе пришлось дать клятву сию? – прищурился Лисослав, разглядывая его лицо Рудольфа. – Как докатился до жизни такой? Я ведь помню, кто ты есть – рыцарь из богатой семьи, со своим двором и дружиной. Какой тебе толк в этом?

– За грехи мои был покаран свыше проклятием род мой. Я в этих землях многое сотворил на службе у князя вашего.

– Ты повторяешься, друг мой. С тем же подходом грехов нахватал, ведь так? – уточнил боярин. – Кровь лил нещадно, в страстном желании понравиться Господу нашему, Иисусу Христу. И сейчас то же самое собираешься творить? На этих же землях? Не приходило в голову, что обильное кровопускание и проклятие – суть дело и последствия его?

Впервые благодушное лицо рыцаря, словно черной тучей накрыло:

– Я не делал ничего предосудительного! И не о том говорил.

– Может и не о том, – кивнул боярин. – Однако ж, заметь – не я теперь в грехах каюсь, и обеты даю, так ведь?

Это уже было похоже на оскорбление. Рыцарь зарычал, хапнул ручищей за пояс, где обычно висел его меч, да только оружие остались у отроков за дверью. «Резок. Святославу любви такие». Не было у Лиса к немцу враждебности, в отличие от вошедших дружинных, поднявших шум. Вон и Оттар хищно ощерился, как волк для прыжка.

– А ну тишина! – грозный бас посадника Веха, легко перекрыл, поднявшийся было, шум. – Вы в гостях у меня! Как смеете? Лис!

«Ишь, гордый какой?». Мгновение-другое боярин и рыцарь мерили друг друга грозными взглядами. Поединок! Насмерть с этим заносчивым! Сей же час. «Вот где можно будет дать волю рукам. Сеча – вот где его место!»

Усы боярина воинственно встопорщились, рука сама чесалась по мечу – давненько он не испытывал такого гнева! «С чего бы это? – пришла мысль, – В своих бедах невинного винишь? Что бы сказал Святослав на такую выходку?» Стало стыдно.

– Прости, Верхулав Ратиславович, – первым громко повинился богатырь Черномора. – Не желал вреда и урону чести твоей. И ты прости, рыцарь – урону чести семьи твоей не желал и не желаю.

И сел.

Рыцарь остался стоять. Он думал долго и тяжело – так что красивые, соболиные брови грозно сшибались в смертном поединке на переносице. Глухо, тяжело оттолкнул:

– Твоя правда, боярин. Прости. Ради бога нашего Иисуса Христа – прости. То гордыня – злейший враг настоящего рыцаря. Она пускает корни в душу, коверкая помыслы чистые. Седьмой смертный грех.

– Бог простит, боярин, – великодушно кивнул Лис, пошевелив усами. Кажется, рыцарь был славным малым, а драка откладывалась, хоть и настрой был прескверный и зарубить кого-то – рука по-прежнему чесалась.

– Чертовы сопли, – проворчал второй присутствующий немец – Роллон, из дружины Рудольфа. – Язычников и дикарей – всех под корень надо – они погибель для доброго христианина, и раз он защищает, то...

– Еще одно слово, сер Роллон фон Тинтъяд – и я буду вынужден скрестить с вами свой меч, – оборвал его предводитель.

Коротышка удивленно посмотрел на предводителя. Впрочем, удивление у него быстро сменилось гневом.

– Я лишь хотел заметить... – налился кровью Роллон, но Оуштоф не дал ему закончить вновь.

– Это я вынужден вам напомнить – мы не в своей земле! Если вы решили забыть о клятве, долге чести перед всеми людьми, если у вас голова забита кровожадной до людей проповедью и вы желаете им нести свою веру только мечом – можете уходить прямо сейчас.

– Я вам не слуга, Рудольф, – ощерился черноволосый. – Я равен вам по сословию и имею право на свое мнение.

Два рыцаря мерили друг в друга злобными взглядами, и посадник вновь был вынужден призвать к порядку своих гостей.

– У кого есть какие-то сомнения о том, что это наша земля, земля предков, и на ней будут действовать наш Покон, – усы Лиса дрогнули недоброй усмешкой, когда он вперила тяжелый взгляд во второго рыцаря. Волна сдержанного гнева вновь стала подниматься из груди. – С тем готов хоть сейчас помериться мечами. Позор, да и только – препираться со своим боярином. Не любо? Выходи в поле – один на один, честь по чести – как любил Святослав.

– Утром, за чертой стен, – небрежно, как о каком-то пустяке, объявил черноволосый.

– Ты забываешься Роллон! – в гневе Рудольф оскалил ряд красивых белых зубов, вновь поднявшись со своего кресла. – Пока мы в походе – вы выбрали меня предводителем и клялись в том на кресте. Моя воля – казнить или миловать. Вы сами так заключили, когда я назвал вас братьями, равными себе. И теперь – ты смеешь угрожать другу господина, принявшего нас, под его же крышей? Позорить нас? Коли ты еще хоть заикнешься о бое с добрым гером Лисославом, или еще ком-то из присутствующих здесь, и, тем самым, вызовешь мое недовольство – клянусь святою девою Марией – я повешу тебя на первом же дереве, за воротами, как простого разбойника!

Лицо черноволосого грубияна пылало став из красного бардовым. Предупреждение прозвучало грозное – для человека благородного семейства такое было немислимым позором. Проняло и упряма.

– Как пожелаешь, комтур. Тебе виднее.

– Раз все пришли к пониманию, – поспешил объявить посадник, прекращая возможные дальнейшие споры, – ...приглашаю всех вечером на скромный ужин под своей крышей. Отроки покажут терем, где доблестные бояре могут расположиться и передохнуть с дороги.

Пир получился постным, хотя посадник не поскупился на еству и пиво для дорогих гостей – за свой стол он усадил боярина, и рыцарей. Все остальные довольствовались младшим столом – вядшему недовольству Лесобора он и там оказался в самом, почитай, конце. И

потому, так как блюда с соленой капустой, котлы с разваренной кашей, сало и лук, сначала шли на господский стол, и лишь после – спускались ниже по столу, попадая в руки жреца, который, как выяснилось – тоже был не дурак поесть. Далее – на стол отроков, и только потом, к концу их стола – до оголодавшего и ворчавшего оборотня, и потому доходили почти пустыми.

Впрочем, к радости младшего стола, расторопные слуги вскоре внесли, пыхтя от натуги, огромное блюда с двумя запеченными в печи крупными карпами, фаршированными гречневой кашей. Ноздри присутствующих затрепетали, вдыхая дивные ароматы настоящей, богатырской еды. Следом за карпами кухарка, покраснев от напряжения, водрузила на стол громадный поднос с золотистыми карасями, запеченными в сметане, лопающихся хрустящей коркой от сочности. Рыбой Комышелог – всегда был богат, благодаря огромному озеру Камышинному, на котором он и стоял: даже в бедных домах рыба не переводилась, коли хозяева не ленились. Рыбой спасался и сейчас, находясь, фактически в полу осадном положении.

Карпы и караси выглядели такими вкусными, что о другом старший стол тут же позабыл и новые блюда с квашенной капустой, кашей с салом и грибы – теперь досталось младшему столу почти не тронутыми.

Отдав должное рыбе, и дав возможность гостям, как следует, наесться, посадник прямо поинтересовался целями рыцаря и его отряда. И тут даже Лесобор наострил уши.

– И как тогда решать – кто зло, а кто нет? – то вопрошал рыцарь, глава нового ордена у боярина. Так, будто их разговор, начатый при Верхуслане, и не прерывался. – Среди тех, кто мельче, чем Зверь, – уточнил Рудольф. – Как их отличать?

– Сердцем и умом.

– А ну как ошибешься?

– Все могут ошибиться. Нельзя убивать всех подряд, – мягко напомнил рыцарю Лис, – Каждая тварь Божья – жить хочет. А вот таких, как Зверь – милое дело.

Зояр поднялся со своего места, порылся в небольшой суме, что была при нем – вынул богатырский оберег. Тот самый, который трижды проклятый предатель рода человеческого Вольг – сбросил.

– Сейчас – узнаем – будет ли тебе от земли этой вспоможение, – продекламировал он, и надел на шею рыцаря оберег.

Ничего. Пустая, мертвая железка с выдавленными на ней картинками, болталась на могучей шее, никак не проявляя себя.

– Не хочет тебя, – заключил жрец, цокнув языком. – Не твой и не твое.

– Не будет подсказок свыше. Самому придется, – заключил Лис.

– Как?

– Как всем, – пожал плечами боярин. – Совесть должна подсказать. И человеколюбие.

Лисослав вяло потыкал вилкой в сочный, румяный бок карпа – еда не лезла в глотку. Хотелось напиться, как бывало в молодости, да положение, паскуда такая – не давала такой возможности. Глянул на то, как оборотень, не чинясь, отъедался за все дни скудного их походного поста, пожевал губы и приложился к кубку. Видимо стоит еще посидеть-повременить за столом, потому как если он сейчас пойдет спать – терпеть волколака здесь никто не станет.

Спать было душно – людей собралось много, да и засиделись надолго, и потому пришлось лечь, куда было.

Клятый сон не шел, только болезненная дремота смаривала – рядом, подле лавки, прямо на полу, спал, громко посапывая Лесобор. Храпел наглый отрок, надерзивший на стене и спавший чуть поодаль на шкурах. Глухие звуки шагов за стеной – то в горнице, книзу, где житная холопов и отроков посадника, подымалась с овчин и соломы, очередная сторожа, а сменная им, торопливо сная остатками боярской трапезы и запивая легким пивом, заваливались на

те же постели, не давая им остыть. Два десятка – на стенах, два десятка – выборных из града – туда же, в ночную сторожу. Как и положено, чтоб град спал спокойно.

Потихоньку, на цыпочках, аккуратно переступая через спящих, боярин дошел до окна и раздвинул ставни – прохладный свежий ветерок, освобождено побежал по душному лежбищу. Вернувшись на свое место Лис, убаюканный привычным к храпу своего десятка, наконец, заснул.

На широком ложе из медвежьих шкур с могучей фигурой атлета, с хрипом, в поту метался человек. Он, рычал, силясь проснуться, но его никто не слышал – все вокруг крепко спали. Его мог слышать и чувствовать только он – пусть даже находясь далеко, за стеной городка. Что-то в этом человеке было знакомое и, кажется, дорогое и важное ему. Что-то, что он пока не мог вспомнить, но уже пообещал, что непременно это сделает.

Существо подняло вытянутую морду и тоскливо завывало на ночное светило – тут же, к нему присоединились еще несколько звериных глоток – так Зверь передавал свои распоряжения. Так он решал – кто будет жить, а кто – уже давно зажил на его землях. Жалел он лишь об одном – что не может сейчас видеть глазами заинтересовавшего его человека.

Спящий вздрогнул как от падения с большой высоты.

– Лиса, нет! – холодный пот покрывает все тело. – Зачем? Зачем ты это показываешь мне вновь и вновь?

– Так надо, – звучит в голове.

– Кому надо? Зачем надо?

– Тебе. Думай. Знай.

– Постой. К клятой матери – отчего ты все время уходишь, прежде чем поговоришь со мной?

– Ты знаешь. Я не могу долго находиться рядом с тобой. А Зло – уже рядом. Оно всегда рядом – ждет удобного момента, чтоб ударить.

– Как я могу справиться со всеми теми ужасами, которые ты мне показываешь? – возмутился боярин. – Сложить честно голову – не велика победа. Позор, да и только.

– Лисом-то тебя, боярин – зря чтоль кличут? Придумай что-нибудь, – усмехнулся призрак.

– Да что тут, к клятой матери, придумать? У меня нет даже моего десятка!

– Используй то, что есть под рукой. Ты всегда это умел, боярин. Отчего же сейчас растерялся и не видишь очевидного?

Лис проснулся от тихого поскуливания и сразу почуял чье-то постороннее присутствие. Еще квелый ото сна, он, ничем себя не выдавая, потянулся за мечом, пережидая пока глаза привыкнут к ночной темноте. Амулет, который он не снимал даже во сне, слабо подергивался на груди, но кругом рядом было тихо – никаких посторонних звуков. Все так же в узком окошке мерцали на стенах огни ночной сторожи, ветер мирно шевелил взмокшие волосы прилипшие ко лбу.

Вновь раздалось слабое поскуливание: боярин скосил взгляд книзу, туда, где спал Лесобор. Глаза уже привыкли к темноте, и картину он увидел престранную: маленький, ему чуть выше колена, лысый мужичек без одежды, но весь в длиннющей шерсти нависал над спящим. Ночной гость на месте не стоял – он то поднимал руки к потолку, то опускал их к самым глазам Лесобора – и тогда тот начинал глухо, побитым псом, поскуливать. «Домовик, – догадался Лис – ...морок насылает и кошмары. Ишь, как расстарался». Домового можно было понять – кому понравится, что в охраняемом тобой тереме спит волколак? Боярину же, все еще уставшему после вечерних и ночных приключений, а так же – после нынешней пирушки – понимать шутника не пожелал. Мужичек так увлекся своим действием, что не заметил, как тихо вынутый меч завис над ним. Заметил его он только когда клинок, плашмя, опустился на включенную лысину – шлеп!

– Уййй! – вскрикнул косматый и метнулся в темный угол, за печкой.

– Не балуй, – негромко напутствовал ему вслед боярин. – Мог убить тебя – не убил. Будь и ты добрым хозяюшкой и дай спокойного сна. Нам всем, и ему – предстоят нелегкие дни. Здесь задерживаться – и не собирались.

6 глава. Клятый спор, или удачная подготовка к труду ратному

«Рана от ножа – заживет. Рана от слова – будет гноиться».

Тюркская народная пословица.

Петухи, любимые глашатаи вступающего в свои права дня, уже давно пропели свою утреннюю побудку – лучи солнца нагрели деревянный пол, в опочивальне пахло как в бане, когда, наконец, плохо спавший ночью Лис открыл глаза. Городские стены и безопасность не могли не расслабить, даже с учетом недобрых дум – боярин проснулся разом, поднявшись со шкур. С недовольством заметил, что все прочие, судя по всему, были на ногах уже давно, и в опочивальне он был один. Наскоро одевшись, боярин вышел во двор, умыться колодезной водицей.

Терем посадника был велик: когда-то, с век назад, то был самый, что ни на есть княжий дом, построенный на высоком древнем кургане. Кривотолки хаживали, что здесь де, захоронен был великий царь древности. Боярин в такое не верил – на кой ляд такому великому царю здесь устраивать себе последнее пристанище, в месте болотистом и диком – понять было сложно. Да и из того что читывал в отроческую бытность – не жили в этих местах какие-либо серьезные «цари». Могилы варяжских князей и сарматских ханов, с золотом и серебром, дорогой утварью – можно было найти севернее или наоборот – южнее. Здесь же, испокон веков, еще до славян, жили племена малые, бедные, поклоняющиеся темным злым богам, от коих по сию пору иные кланы так и не отринули. Впрочем, курган и впрямь был немалым, а терем на нем – высокий, в два поверха, с двумя крыльцами: снизу, для челяди, а сверху – для хозяев. Верхнее, крытое узорчатым, некогда окрашенным в яркие цвета, а ныне побуревшем, сводом, вело в жило самого посадника и его семьи, буде такая за ним проследует в этот неблагополучный ныне край.

Внизу, округ терема и в самом нем – уже велась всегдашняя рабочая суета девок и слуг большого боярина: кроили сукно, шили, вязали, пряли и ткали. Мужики – ладили сбрую и седла, ковали и калили ножи, узорили рыбу кость – все то, чем богат был край. Не менее трех дюжин личных слуг Верхуслава Ратиславовича занимались своим привычным, каждодневным делом.

Во внутреннем дворике терема никого не было, а потому Лисослав Велимович, не стесняясь, набрав полное ведерко колодезной, лихо опрокинул его себе на голову. Тряхнул волосами, отфыркиваясь и сморкаясь, прочищая нос. И очень удивился, когда услышал громкий детский смех.

– Как Баюн-кот! – хохотал мальчонка, сидящий на дровне небольшого строения. Мелкий засранец там уютно устроился, как в гнездышке так, что со стороны не сразу и видно было. Особенно квелому еще ото сна боярину.

– Ты чей будешь парень? – улыбнулся ему десятник. Он, не смотря на грозный вид – очень хорошо ладил с детьми, но этот, отчего-то враз оробел, перестав смеяться.

– Я это, – проямлил мальчишка. – Тута эта – того.

И показал боярину большой кусок бересты с нацарапанными на ней какими-то закарюками.

– От эт да! – сообразил боярин, подходя к пареньку. – У меня чтоль взял? И что там?

Но мальчишка не проронил более ни слова, стушевавшись окончательно, и боярин сам взял у него из протянутых рук, бересту, взгляделся в то что отроче там старательно выводил, но это оказались вовсе не письмена, а рисунок. Странная продолговатая тварь, похожая на

человека или на полкана*¹⁹ была нацарапана посередине. Пятипалые полоски рук с детской решительной не трепетностью у твари были нарисованы и там где положено, из плеч, но еще – на голове и вместо передних ног. Вокруг многорукого существа были существа поменьше: судя по всему – обычные люди с нормальным набором рук и ног. В руках меньшие люди-закарюки – держали копья и явно тыкали в сторону твари в центре, а та, в ответ – замахивалась на них чем-то длинным и изогнутым как кнут или синдская сабля.

– Эвона как? А ты – молодец, – одобрительно отметил на всякий случай боярин, встрепав мальцу волосы. – Ловко у тебя выходит рисовать-то! А с буквицами – так же ловок?

– Когда как, боярин, – чужой, незнакомый голос остановил утреннее омовение и общение с мальчишкой. – Бог в помощь.

Лис недовольно фыркнул водой, утер усы и обернулся к говорящему. Приветливая улыбка сама растянула твердо сжатые губы, потому что побеспокоившим оказался монах – явно из местной церквенки, которую построили буквально с пару лет назад. Засилье нежити и прочие напасти, как никогда повысили надобность в отдельном доме, где можно помолиться да поговорить с умным, спокойным и терпеливым мужем о своем горе. Священный глава паствы Комышелого был невысок, но еще крепок, несмотря на лета, с благообразной, аккуратно расчесанной седой бородой.

– Слава Иисусу Христу, – боярин присел на завалинку у забора.

– Во-веке веков, – ответственвал монах подступая. – Давно тебя уж дожидаюсь, богатырь. Крепко спишь – видать шибко умаяли тебя разбойнички, да вчерашняя гулянка.

– Как есть, – не стал спорить или виниться Лис, проницательно взглядываясь в глаза святого отца. Явно ведь не просто так пришел.

– Аз есмь иерей*²⁰ Варфоломей, – представился священник. – По воле Божьей и по своим помыслам о свете Господнем, аз есмь ставленник Господень в этом темном краю, дабы следить за паствой здесь, наставлять их в пути Господнем, помогать и поддерживать...

– Ты прости отче, меня ратного, – вежливо остановил батюшку боярин. – Я долгие годы скитался по самым темным углам нашего княжества с дружиной таких же темных гридней. Не сердчай – в иной день, буде время – буду внимать, не перебивая, а сейчас – скажи как есть, ладушки? Мы, ратный люд, точность уважаем.

Губы монаха вытянулись тонкой нитью, слова отповеди готовы были сорваться, но, видать, и впрямь дело было безотлагательное, ибо смерил себя и даже улыбнулся.

– Матвеюшка, – вместо ответа обратился монах к мальчишке. – Ты ступай в церкву – там уже и поснедать сготовили тебе сладеньким. Иди – я с дядей сам поговорю.

– Смешной дядя, – улыбнулся малец. – Смешной дядя!

И умчался, забыв прихватить свой рисунок.

– Прости, его боярин, – глядя на это повинился за мальчишку поп. – Из уцелевших он, Зверем потраченного поселка. Потому – не всегда ум его на месте. Гуляет где-то в облаках порой, и такое говорить аль делать начинает – за голову хватаешься.

– Мальчишка, – с ласковой улыбкой поглядел вслед пострелу десятник. – Да и не злюсь я вовсе. Так чем могу, святой отче? Токмо без длинных присказок и поучений – уж прости батюшка.

– Сынок – навычен я так разговаривать уже многие годы – как ты сражаться, видать. Позабыл многое, да и со старыми ратниками – не так часто вижусь, – монашек присел рядышком, жмурясь утреннему солнышку. – По делу я к тебе.

¹⁹ Полкан – так древние славяне называли мифических существ, известным грекам как кентавры.

²⁰ Иерей является настоятелем храма, если приход не слишком велик. Имеет права по сану читать проповеди и на всю другие действия – налагать епитимию, благословлять, слушать покаяние и прочее.

– Так-так, – улыбнулся боярин. – Если на волколака жалобы пришли от жителей – так-то не ко мне. Я ему не хозяин, а он мне – не холоп. Прибить за похабства, конечно, можно, но не шибко сильно – он еще пригодится мне...

– Не об нем речь, витязь, – вновь поджал губы монашек. – Он носит амулет святой, пути Господни – неисповедимы, и спорить с тем – не след. В другом беда.

– И в чем же?

– В Звере – будь он трижды проклят. И в волколаках что людей невинных – жизни лишают.

– Так поговори с немцами, отче? Они вон – подвигов жаждут на поприще борьбы с нежитью?! А я, еще и тороплюсь – в Туров, к дочери. Один ваш жрец местный начудил такого, прости Господи, что подозреваю – ее может искать беда.

– Жрецы, будь они неладны – чудят часто, – признал монах. – Об иных так сразу и не скажешь – за людство ли они, аль за Ад и его демонов. И немцы – уже согласились помочь с волколаками, да толку-то.

– Чего так?

– Немцы хороши в поле, – поделился своими наблюдениями монах. – Где встала рать, а напротив нее – другая рать. А с волколаками – хитрость нужна, да ум пыливый.

– Посадник Верхуслав Ратиславович – немцам поможет, да научит коли что, – ответил Лис, впрочем не так уверенно.

– На нем весь городец, земли и людство. Да и пытался он – ничего не вышло, только ратных погубил зазря.

– Отроков? – прикусил ус боярин, скорбно кивнув. На секунду представилось, каково это, пятнадцатилетним парнем – встретиться лицом к морде со здоровенной звериной в лесу, да еще и на ее условиях.

– Отроков. Мальчишек, – подтвердил иерей. – Волколак чай не лапоть – нападать на опасного для себя. Выбрал и подрал тех, кого может подрать.

– Ну, теперь у Веха, вкупе со своей головой, мужи под рукой. Немцы – крепкий ратный люд – сам видел.

– Однако ж тебе как к своему обратился. Тем паче – богатырю, не простому ратнику. Немцы – они кто? Чужины, а ты – свой. И о беде твоей, наслышан уже – мне ее обсказали. И скажу тоже, что и все: дочь твоя – под защитой мечей твоего десятка, в самом укрепленном граде в окрестных землях находится. И ежель там небезопасно – то, каково нам? А христианство здешнее, быть может, муки страшные принимает сейчас. Сколько тут дочерей, сынов, отцов, которых, быть может – только твоим мечом и спасти можно, боярин? О них кто позаботиться здесь? Кто спасет? Здесь гридей княжих нет, и стен крепких как у Турова – тоже нет.

Боярин потемнел лицом, губы плотно сжались, но монах смотрел без упрека – смело, но кротко.

– То мое дело. Если Зверь пойдет за мной, а он пойдет – то я твердо ведаю – я его там и одолею. Со своим десятком. И дочь обороню.

– Когда он пойдет за тобой туда – здесь никого уж живыми не будет! Аль не понимаешь? И одолеть его там – будет стократ сложнее, чем тут, – скорбно покачал головой монах.

– Да откуда ж, прости Господи, святой отец о том знает?

– А оттуда! – засопел монах. – Дьяволова порода – завсегда так. Дашь откусить палец – оторвет руку. И здесь напасть – такая ж! Одолей его здесь, вдали от дочери! Ты же богатырь особой дружины? Так? Так оборони тех, кто в том нуждается! Защити от сил дьяволовых!

Добрых несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу – у каждого была своя правда. Первым отвел взгляд Лис. Он шумно выдохнул, склонил буйную голову, закрыв глаза. Думалось тяжело. Монах не торопил и не мешал – все уже было сказано, чего уж теперь.

– Ты прав, отче, – наконец вымолвил Лисослав. – Прав. Я богатырь, еще и избранной дружины. Прости отче.

– Бог простит, сынок, – кротко улыбнулся иерей. – Не кручинься – тебя понять можно.

– Страх во мне есть, отче. Пятеро у меня сыновей было. Лихих витязей, молодых, полных сил – и все погибли. Оставили меня, старого, одного.

– Не стар ты еще, сыне, – возразил монашек. – Вон как сила – так и плещется в тебе.

– А гридь с десятка моего – стариком кличут, – усмехнулся, припомнив, Лис. – Одна у меня осталась дочка. Прочие – замужем уж давно.

– Понимаю тебя, понимаю, – мягко поддержал Варфоломей. – Но здесь, в Камышелог, сейчас без тебя – никак. Ты, посадник, норег да немцы – вот, по сути, все серьезные силы. А там, в Турове – дружина, бояре, и твой десяток. Так кому легче отбиться от врага?

Боярин, наконец, кивнул, принимая доводы монаха.

– Пойду, отыщу посадника. Надо бы с ним поговорить, да с вожакон немцев тех. Есть что обсудить.

У внутреннего входа в терем его уже ожидал Лесобор: оборотень, в отличии от него, встал рано и чувствовал себя вполне бодро. Роба – румяная, волосы и борода, в каком-то веке – расчесаны гребнем.

– А вот и его боярская светлость! Когда собираемся? – хохотнул он, глядя на хмурого десятника, прикидывавшего в тот момент, что вот еще одна длинная заноза в их товариществе, которую таки придется вынуть. Причем вынуть без жалости, пока не образовался нарыв. Желательно – в присутствии хотя бы вожака немцев. Иначе нужной дружины для грядущего дела просто не собрать – Зверь и так намного сильнее и числом, и прочим.

– Тебя посадник будить не велел, – поделился оборотень. – Но велел, как проснешься, сказать о том, что ждет тебя.

– Что-то конкретное передавал?

– Ну как же – и ежу ясно чего ему нужно, – вновь хохотнул волколак и, подбоченясь, пропел:

Там где дружина не пройдет,
Орда лихая – не промчится,
Наш Лис на пузе – проползет –
И ничего с ним не случится!

– Речист, подлец. Ты точно не в родстве с нашим Ратгоем? – оценив, хмыкнул боярин. – Уж больно заметны особые родовые черты.

– Лешак его знает, – пожал плечами Лесобор. – Мой тятя любил бродяжничать. И где ходил – нам не рассказывал.

– Только самому Ратгою так не ляпни, – наставнически поделился старый витязь. – Впрочем, что-то мне подсказывает, он может предположить о веселом норове твоей мамыши и бродяжничестве уже своего папани, найдя убедительные доказательства о том, что такой подход к делу – куда более вероятен и правдоподобен.

На краткий миг на лице Лесобора отразились усиленная задумчивость, граничащая с легким беспокойством, а боярин, хлопнув его по плечу, вошел во внутренние покои.

Верхуслана Ратиславовича он застал закрывающим тяжелой крышкой вход в погреб терема. Лицо посадника было не свежо от тяжких дум и забот, и потому он не сразу услышал приветствие.

– Доброго дня, боярин, – повторил Лис, косясь на тяжкую, как для гроба грешника, крышку погреба. Надо же – что у него там? Сокровищница, поди?

– Доброго дня, боярин,– лишь на краткий миг лицо старого друга передернула какая-то неясная растерянность, хотя Лис за то не поручился бы. Впрочем, если таковая и была – посадник быстро умел взять себя в руки. Ты уже поснедал?

– Не пришлось еще, – честно признался десятник.

– Там, в трапезной все уже стоговлено, – рассудительно поведал старый друг. – Но ты уж прости меня старого, невмочь мне – ты остаешься аль нет? Не томи уж.

– Остаюсь, Вех, – твердо ответил Лисослав.

– Вот оно как? – повеселел взглядом Вех. – Вот это – дело!

– Мне б избу какую для постоя, раз уж так, – развел руками десятник. – Аль, хотя б лачугу.

– А чем сей терем плох? – не понял посадник. – Ты, брат-боярин, почитай сие время, теперь при мне – вроде как тысяцкий, теперича. А достойный тысяцкого терем – токмо один! Этот самый, что и для посадника. Остальные – лишь домишки квелье остались – невместно богатырю Черномора в таких жить.

– Да зачем же я буду стеснять тебя, Верхуслав Ратиславович? – смутился Лисослав.

– Да какие стеснения, от тебя, старый друг, – рассмеялся Вех. – Ты видел мои хоромы нынешние? У меня и в Турове – вдвое меньше. Споро – и не оббежишь! Забирай смело под свои нужды часть. Я того, поди – и не замечу.

– Спаси Бог, Верхуслав, – повеселел взглядом и десятник. – Отлично, ежель не потесню.

Не потеснишь, – заверил посадник. – Вот еще что – тебе в помощь по хозяйству выделю двух холопок моих – Аглаю да сестрицу ее, Дубраву. Бабы толковые, работающие – все, что надо по хозяйству – сделают. Не тебе ж, боярину, себе портки стирать да прочее.

– Да какой ляд, – смутился Лис. – Холопок – отродясь не держал.

– Ты знаешь, я тоже – не особо приветствую такое, – насупился Вех. – Однако ж тут без того – никак. Они навродь как сиротами стали – все сельцо где ранее жили они – вырезали выродки Зверя. Самым первым оно такое оказалось. Без мужиков, без семей – пришли они.

– Эвона как, – протянул десятник.

– Пожалел я их, – признался посадник. – Без мужей, без отцов, без семей – куда ж им теперь? Вот и взял их к себе. И ни разу не жалел о том – работающие хозяйшкы оказались. А раз я не жалел – значит и ты о том не пожалеешь!

Старый воин хлопнул дружески Лиса по плечу.

– Поснедай, да айда к нам – на подворье. Поучим молодых с мечом-то.

Подворье гридницы городка Комышелого, было довольно обширным – во всяком случае, немногим меньше чем в самом Турове. Оно было и понятно: когда-то, еще до времен князя Рюрика, именно Комышелог был стольным градом окрестных земель, а Старая дорога, ведущая из Новагорода до Куяба – шла именно через Комышелог. В городце и его окрестностях, по слухам, жило людства вчетверо более, нежели сейчас. Еще отец ему рассказывал о том, что именно грозный Святослав, устав от постоянных жалоб северных купцов и путников на набеги болотников, дабы не заниматься этим долго, сначала, как следует, вломил самим болотным племенам, что мешали торговле, а потом – проложил Новую дорогу, через новый же основанный город Туров. С тех пор Комышелог – захирел и сильно обветшал, словно тлетворные болотные испарения взяли и над ним верх. Посад по обеим сторонам крепости, вдоль берега озера, некогда многолюдный и живой, с ладными, крепкими избами и веселыми ярмарками – захирел еще более чем градец – там почитай никто и не жил уже. И то сказать – построившись, раз и хорошо, а потом, узрев как твое добро жгут в набеге снова и снова – уже жалеешь сил, понимая, что все это временное. Так и здесь – уродливые хибары, жмущиеся друг к другу, убогие и сырые – летом, холодные – зимой, вот все, на что ныне способны были оставшиеся жильцы вне черты крепостных стен. Да и самого людства поубавилось не в меру – уходили

люди в более безопасные земли. Оставались лишь самые упрямые или старые, что все еще верили в то, что Комышелог – воспрянет, и будет жизнь лучше. Не желающие понимать, что людство предпочитало куда более безопасную Новую дорогу, чем более прямую, но опасную Старую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.